

ГОГОЛЬ

В МОСКВЕ

**Сергей Юрьевич Шокарев
Борис Сергеевич Земенков
Дмитрий Андреевич Ястржембский
Гоголь в Москве (сборник)**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6371289

Гоголь в Москве (сборник) / Сергей Шокарев, Борис Земенков, Дмитрий Ястржембский: Алгоритм;

Москва; 2011

ISBN 978-5-9265-0701-7

Аннотация

Н.В. Гоголь был одним из самых путешествующих классиков отечественной литературы. Полтавщина, Санкт-Петербург, Москва, Рим – каждое из этих мест нашло отражение в его творчестве. И все же Москва сыграла ключевую роль в биографии писателя. Здесь создавались его важнейшие произведения. В Москве Гоголь подолгу жил, любил сюда приезжать, провел последние годы и скончался. С Москвой связана одна из самых трагических страниц в истории русской литературы – сожжение Гоголем второго тома "Мертвых душ". Таинственными легендами овеяна могила писателя. Настоящая книга посвящена различным аспектам гоголевского москвоведения. Ее основу составляет исследование известного московеда Б.С. Земенкова (1903–1963) "Гоголь в Москве" (1954). Законченный более полувека назад, этот труд до сих пор не утратил своего значения. Продолжают тему гоголевской Москвы и работы современных авторов – С.Ю. Шокарева и Д.А. Ястржембского, в том числе обобщивших...

Содержание

Введение	4
Борис Земенков. Гоголь в Москве	6
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Шокарев, Борис Земенков, Дмитрий Ястржембский Гоголь в Москве

Введение

Великий Николай Васильевич Гоголь являлся одним из самых путешествующих классиков отечественной литературы. Полтавщина, Санкт-Петербург, Москва, Рим – эти места были для него родными, и каждое нашло отражение в его творчестве. И все же, Москва в жизни Гоголя занимает особое место. Более подробно об этом говорится в публикуемых в данном сборнике текстах. Пока же отметим самое важное: Москва сыграла ключевую роль в творческой и личной биографии писателя. Здесь создавались, публиковались и выходили на сцену важнейшие произведения писателя. В Москве Гоголь подолгу жил, любил сюда приезжать, прожил последние годы и скончался. Одна из самых трагических страниц в истории отечественной литературы – сожжение Гоголем второго тома «Мертвых душ» и его уход из жизни – стала вместе с тем и страницей истории Москвы. Могила писателя окружена таинственными легендами, ставшими важнейшей составляющей московской мистической мифологии. В Москве более, чем в других городах, запечатлена память о Гоголе – создан Музейный центр «Дом Гоголя», воздвигнуты памятники, возрожден первоначальный облик могильного памятника. Все это заставляет снова обратиться к теме «Гоголевской Москвы», актуальной еще и потому, что архитектурные памятники, связанные с именами писателя и его современников, все чаще и чаще уходят в небытие. Исчезает не только материальная оболочка, но и душа города, наполненная призраками великих прошлого.

В настоящем сборнике опубликованы работы, посвященные различным аспектам гоголевского москвоведения. Его основу составляет повторная публикация классической работы известного москвовед Бориса Сергеевича Земенкова (1903–1963) «Гоголь в Москве» (1954). Созданная более полувека назад, она и до сих пор не утратила своего значения, благодаря огромному фактическому материалу. Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на то, что в наши дни многие положения этой книги звучат более чем странно. В ней явственно чувствуется дух эпохи, очень сильна ее идеология. Почему труд Земенкова о Гоголе оказался именно таким и в чем его значение в наши дни, разъясняет статья Д.А. Ястржембского, посвященная биографии и творчеству этого видного москвовед.

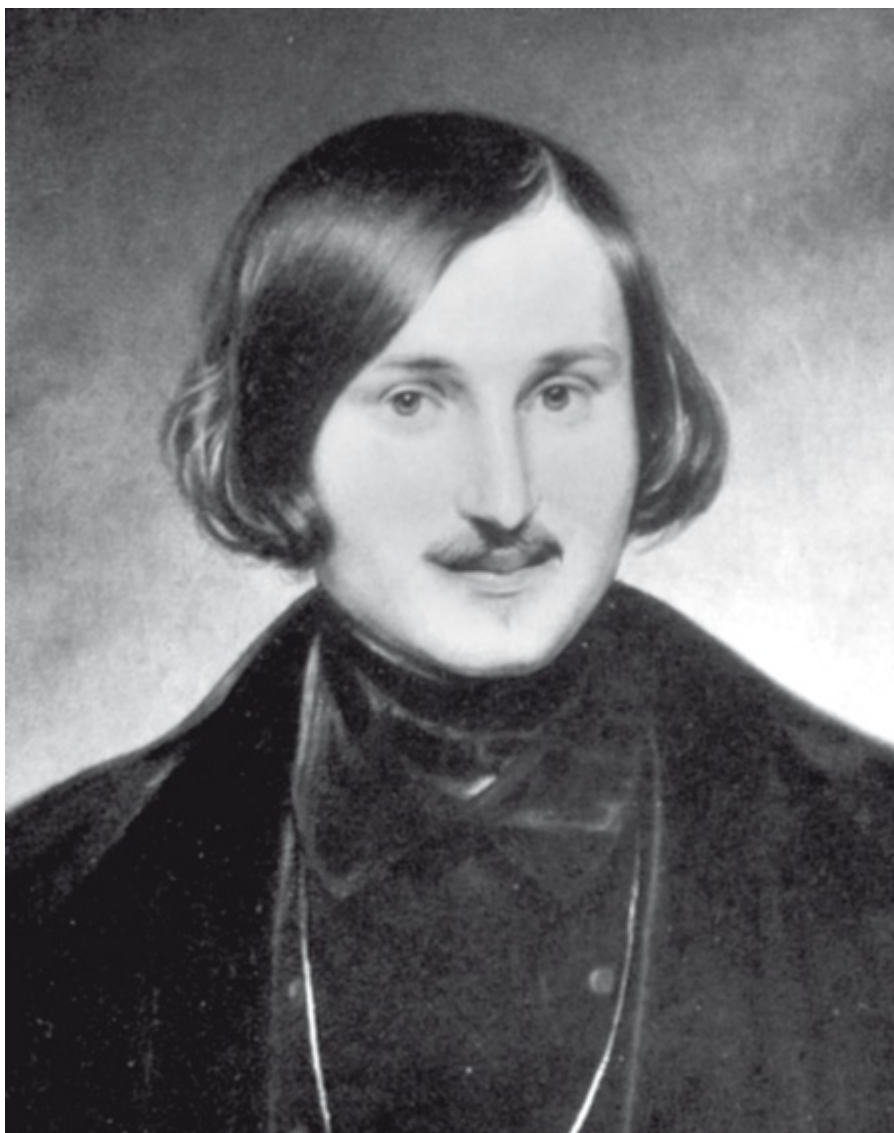
Продолжает тему гоголевской Москвы в локальном варианте работа С.Ю. Шокарева «Арбат в жизни Гоголя». Из всех местностей Москвы Арбат является самой гоголевской. Здесь писатель жил и умер, здесь установлены два памятника и создан его мемориальный музей. В этой работе не только открывается тема Арбата в жизни Гоголя, но и по-новому раскрывается сам Арбат, который москвичи привыкли считать в большей степени пушкинским (как известно, поэт прожил на Арбате первые месяцы после своей женитьбы).

Как уже говорилось выше, мистические предания окружают могилу Гоголя и историю ее перенесения с кладбища Данилова монастыря на Новодевичье. Московские предания повествуют о том, что при вскрытии могилы якобы обнаружилось, что писатель был захоронен еще живым, другая легенда рассказывает о трубах, которые вели от могилы к поверхности земли, чтобы Гоголь не задохнулся, если проснется... Наконец, еще более широкое распространение и свою историографию имеет представление о том, что голова Гоголя была утрачена, и при вскрытии могилы ее не обнаружили. Разобраться в этом вопросе попытались С.Ю. Шокарев и Д.А. Ястржембский, которые не только обобщили уже имеющиеся данные

по этому вопросу, но и опубликовали новый источник – свидетельства еще одного очевидца вскрытия могилы великого писателя.

Юбилей Гоголя остался позади, но изучение гоголевской темы продолжается...

Борис Земенков. Гоголь в Москве

Николай Васильевич Гоголь. Портрет работы Ф.А. Моллера

1

Значительна роль Москвы в жизни и творчестве великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя.

Здесь он писал «Мертвые души», закончил новую редакцию «Тараса Бульбы» и «Портрета», работал над «Тяжбой» и повестью «Рим».

Ряд его московских впечатлений отражен в «Мертвых душах». Яркой декларацией отношения Гоголя к крепостнической Москве 1830-х годов являются его общеизвестные «Петербургские записки 1836 года». Многочисленные высказывания Гоголя о Москве щедро рассеяны в его переписке.

Москва в лице своих прогрессивных деятелей оказала немалую поддержку дарованию Гоголя. В 1835 году в московском журнале «Телескоп» появилась статья В. Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя», определившая высокое место Гоголя в русской лите-

ратуре. Вспоминая о том огромном впечатлении, какое произвели на современников статьи Белинского, И. А. Гончаров писал: «Без него, смело можно сказать, и Гоголь не был бы в глазах большинства той колоссальной фигурой, в какую он, освещенный критикой Белинского, сразу стал перед публикой»¹.

В московских постановках «Ревизора», «Женитьбы», «Игроков» благодаря непревзойденной игре М.С. Щепкина, В.И. Живокини, С.В. Шуйского совершеннее раскрылось общественно-политическое содержание драматургии Гоголя. Не случайно в «Развязке Ревизора» выразителя и толкователя своих авторских замыслов Гоголь именует просто «Михайло Семенович Щепкин». Уже о первых спектаклях «Ревизора» московский журнал «Молва» писал: «Посмотрите, какие толпы хлынули на его комедию, посмотрите, какая давка у театра, какое ожидание на лицах!...»²

«Самые образованные семейства, жившие в Москве, интересовались нашим великим юмористом, ценили его талант и входили с ним в близкие отношения», – отмечает современник³. Гоголь принимает деятельное участие в литературных вечерах Москвы. Долгие годы восхищенные слушатели помнят, как непревзойденно читал он «Женитьбу» и «Тяжбу». Неизгладимый след в жизни литературной Москвы оставили его чтения отдельных глав «Мертвых душ». Выдающимся событием было чтение Гоголем «Ревизора» 5 ноября 1851 года.

Уже после первого посещения Москвы, в 1832 году, Гоголь признавался: «Тянет в Москву»⁴. В мае 1836 года он писал своему другу М. С. Щепкину: «... По возврате из-за границы я намерен основаться у вас в Москве»⁵. Через несколько дней он сообщал С. Т. Аксакову: «... По возвращении из чужих краев я постоянный житель столицы древней»⁵. В 1848 году Гоголь говорил Ф. В. Чижову, что «любит Москву и желал бы жить в ней...»⁷. В 1850 году, когда плохое состояние здоровья вынудило его жить в родной Васильевке, он сетует: «Ни за что бы я не выехал из Москвы, которую так люблю»⁸. В статье «Похождения Чичикова, или «Мертвые души» (1842 г.) В.Г. Белинский указывал, что «Гоголь... возвращаясь на родину, жил преимущественно в Москве»⁹. Если подсчитать по дням все время, проведенное им в Москве, то оно составит около четырех с половиной лет, то есть вдвое больше того, что прожил в Москве А. С. Пушкин после возвращения из ссылки.

Гоголь горячо любил Москву, как сердце России. «Изо всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиогномию, богатый историческими воспоминаниями, озаменованный печатью священной древности, и за то нигде сердце русского не бьется так сильно, так радостно, как в Москве», – указывал В. Г. Белинский¹⁰. Так же и для Гоголя Москва, озаренная славой героической истории русского народа, его древняя столица, становится олицетворением родины. «Москва моя родина», – пишет он в 1841 году¹¹. Гоголь проникновенно чувствует нерушимую кровную связь Москвы с необъятными пространствами «нашей неизмеримой, нашей родной русской земли»¹². «Москва нужна для России; для Петербурга нужна Россия», – читаем мы в его «Петербургских записках 1836 года»¹³.

Для Гоголя Петербург стал одним из тяжких разочарований юности. Пробыв здесь всего несколько месяцев, он сообщал родным: «Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал»¹⁴. «Бездушен, как сам Петербург», – отзывался он впоследствии о городе своих юношеских мечтаний¹⁵. Постоянная борьба с нуждой, скитания по нетопленным квартирам, неудача с профессорством, злобная травля реакционными кругами «Ревизора» навсегда отчуждают Гоголя от Петербурга. На фоне трудных петербургских лет Москва становится

для него городом, куда «едешь прямо домой, а не в гости»¹⁶. Здесь скорее были оценены его произведения, здесь в трудные дни он не раз находил дружескую поддержку. Уже в 1839 году он сообщал матери: «...там у меня есть многие приятели и друзья, которые доказали мне на деле истинную приязнь и дружбу»¹⁷. В 1843 году он благодарно вспоминал о немалом материальном подспорье, оказанном ему Москвой во время его долгой и взыскательной работы над первым томом «Мертвых душ»: «Не могу до сих (пор) вспомнить без глубокого душевного умиления о той помощи и о тех нежных участиях, которые шли ко мне всегда из Москвы. Петербургу просто некогда подумать обо мне. Кому, например, придет в голову сделать вопрос: этот человек ниоткуда не получает ни копейки дохода, ничего не печатает в течение шести лет – чем он живет в это время...»¹⁸.

Любовь Гоголя к Москве резко бросалась в глаза его знакомым. П. А. Плетнев с обидой выговаривал ему из Петербурга: «Ко мне ты заезжал, как на станцию, а к ним (в Москву. – Б. З.) как в свой дом»¹⁹. Обращаясь к В. А. Жуковскому, Гоголь писал: «В Москву ты приедешь, как в родную свою семью»²⁰.

Даже помпезность внешнего облика Петербурга – парадное великолепие дворцов, Невы, набережных, Невского – не могла обворожить его. Встретившийся с ним в 1839 году в Петербурге Белинский записывает: «...Гоголя видел два раза... все с иронической улыбкою спрашивает меня, как мне понравился Петербург. Невский проспект – чудо, так что перенес бы его, да Неву, да несколько человек в Москву»²¹. В. Ф. Чижов рассказывает, как Гоголь, вернувшись из Рима, этого города-памятника, говорил ему: «... кто сильно вжился в жизнь римскую, тому после Рима только Москва и может нравиться»²².

Гоголь был чутким ценителем архитектурных памятников. П. В. Анненков вспоминает, как Гоголь, приведя его к Форуму, «указывал точки, с которых должно смотреть на целое, и способы понимать его»²³. А. О. Смирнова описывает, как он, показывая ей один из памятников, предварительно обязал «не смотреть в правую сторону... и вдруг велел обернуться. Мы ахнули от удивления и восторга... «Вот вам и Микель-Анджело! – сказал Гоголь. – Каков?»²⁴ Погодин отмечает, что, показывая памятник, Гоголь даже «выбирал время, час, погоду, – светит ли солнце или пасмурно на дворе, и множество других обстоятельств...»²⁵.

Привольна раскинувшаяся на живописных возвышенностях Москва пленила своей красотой Гоголя. Широкие просторы, обилие зелени, красочные пятна Древних колоколен придавали особое своеобразие московскому пейзажу. Белинский считал, что в Москве «... такие живописные ландшафты»²⁶. «В Москве на каждой версте прекрасный вид», – говорил А. И. Герцен²⁷. И невольно вспоминается Москва, когда мы читаем у Гоголя, что для впечатляемости городского ансамбля нужно, «чтобы каждая часть, каждая отдельно взятая масса домов представляла живой пейзаж. Нужно толпе домов придать игру, чтобы она, если можно так выразиться, заиграла резкостями, чтобы она вдруг врезалась в память и преследовала бы воображение. Есть такие виды, которые век помнишь...»²⁸. Гоголь любил не только сам в дальних прогулках любоваться Москвой, но и показывать ее другим. П. В. Анненков, встретившийся с ним в Москве в 1851 году, вспоминает, как Гоголь предложил ему «прогулку по городу»²⁹.

Гоголь пытливо интересуется историей Москвы, просит снабжать его книгами на эту тему, «дабы окунуться покрепче в коренной русский дух»³⁰. Он с увлечением изучает архитектурные памятники Москвы, стремится понять красоту ее древнего зодчества. О системе и продуманности осмотров Гоголя свидетельствуют его, как всегда скупые, пометы в записных книжках: «Никола в Столпах. В Кривом переулке близ Успенья. Мартын исповедник... Подле гостиного двора Троица Грузинская... Фили, церковь, кладбище, 3 версты; Кунцево,

7 верст... Измайлово. Собор. Виноградный сад. Черкизово – патриаршее село. Патриарший дом... Симонов монастырь. Коломенское – 6 верст. Царицыно, недостр[оенный] дворец Баженова. Перерва... Ост[анкино]»³¹. «Пора вам в Москву, – писал он своему другу художнику Александру Иванову. – Здесь так много открывается древностей... что вы не обсмотрите и в целые годы»³². Любовное отношение Гоголя к Москве ярко сказалось в его гневной отповеди К. С. Аксакову, пытавшемуся в своих высказываниях превратить величавый народный символ – Москву в пошлый славянофильский лубок: «Я не прощу вам того, что вы охладили во мне любовь к Москве. Да, до нынешнего моего приезда в Москву я более любил ее, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспрестанно одно и то же, пристегивая сбоку припеку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его... стряхните пустоту и праздность вашей жизни! Пред вами поприще великое, а вы дремлете за бабьей прялкой»³³.

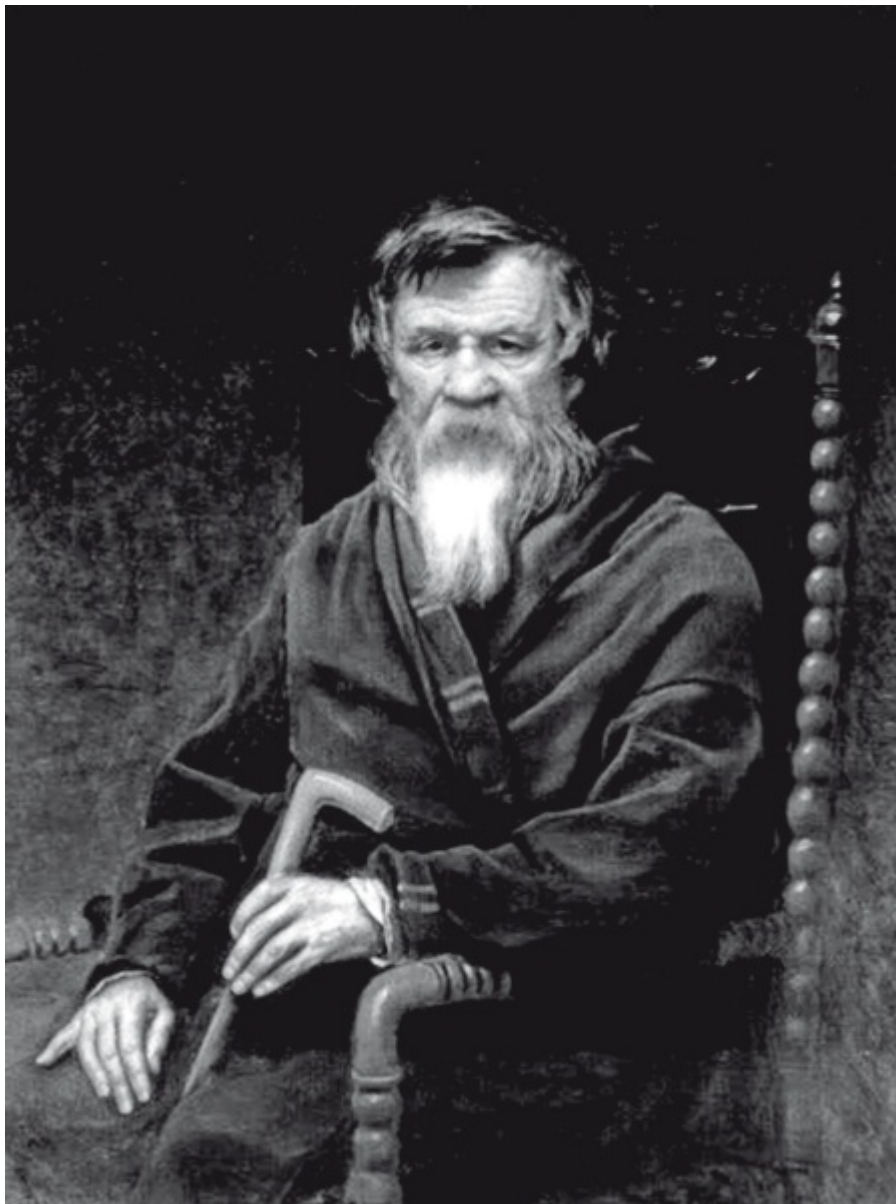
Сергей Тимофеевич Аксаков

Переходя к теме взаимоотношений Гоголя с москвичами, необходимо подчеркнуть, что весьма скупо дошедшие до нас воспоминания современников не только не раскрывают подлинную картину этих взаимоотношений, но в значительной мере сужают и искажают ее своей односторонностью, выводя на первый план М. П. Погодина, С. П. Шевырева и семейство Аксаковых. Между тем Аксаковы, Погодин, Шевырев не только никогда не могли подняться до понимания творчества Гоголя, но вне поля их зрения во многом оказывалась и вся сложность и значительность самой личности писателя. В 1847 году Гоголь признавался: «Отношенья мои стали слишком тяжелы со всеми теми друзьями, которые поторопились

подружиться со мной, не узнавши меня. Как у меня еще совсем не закружилась голова, как я не сошел еще с ума от всей этой бестолковщины – этого я и сам не могу понять!»³⁴ Различные знаки внимания, деловые услуги со стороны этого окружения Гоголя сопровождались – и путем личного влияния и путем печатных высказываний – настойчивыми попытками переключить писателя на свои идейные позиции, на позиции славянофильства, что осложняло отношения, а временами ставило их на грань полного разрыва.

В 1847 году Гоголь писал А. О. Смирновой: «Не будут живы мои образы, если я не сострою их из нашего материала, из нашей земли, так что всяк почувствует, что это из его же тела взято. Тогда только он проснется и тогда только может сделаться другим человеком... вот вам исповедь литературного труда моего... С московскими моими приятелями об этом не рассуждайте... Пусть их путаются обо мне; я их вразумлять не буду»³⁵. «... Честный... сын своей земли», писавший, по выражению И. А. Некрасова, «не то, что было легче для его таланта, а... то, что считал полезнейшим для своего отечества»³⁶, Гоголь с негодованием относился к их фальшивой и суетной игре в «народность». Он считал, что «...истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа»³⁷. «Писатель, – утверждал Гоголь, – если только он одарен творческою силою создавать собственные образы, воспитайсь прежде, как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо! Иначе будет все невпопад»³⁸. В 1846 году, решительно отказываясь принять участие в изданиях славянофилов, Гоголь резко писал Н. М. Языкову: «Статья все же будет моя, а не их; стало быть, им никакой чести...

Воспитай прежде себя для общего дела, чтобы уметь точно о нем говорить, как следу[ет]. А они: надел кафтан да запустил бороду, да и воображают, что распространяют этим русский дух по русской земле!.. скажи так, что я весьма понял всякие ко мне заезды по части статьи отдаленными и деликатными дорогами, но не хочет ли он понюхать некоторого словца под именем: нет? Это словцо имеет запах не совсем дурной, его нужно только получше разнюхать»³⁹.

Михаил Петрович Погодин

Лишь почти насильственно, эксплуатируя материальную зависимость от него, Погодину удалось вырвать у Гоголя для «Москвитянина» отрывок повести «Рим» (1842 г.). В 1845 году Гоголь дал убийственную характеристику погодинского журнала: «Москвитянин», издаваясь уже четыре года, не вывел ни одной сияющей звезды на словесный небосклон! Высунули носы какие-то допотопные старики, поворотились... и скрылись, тогда как с русским ли человеком не надеть добра на всяком поприще!»⁴⁰ Через несколько лет аналогичный отзыв о «Москвитянине» даст и И.С. Тургенев: «...печатать в нем, – значит бросить свои вещи ночью в темную яму в безлюдном месте»⁴¹.

Было бы ошибкой видеть в связях Гоголя с Москвой лишь его отношения с Аксаковыми, М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым. Переписка самого писателя, а также его записные книжки значительно расширяют наше представление о круге его московских знакомств. Дружественные отношения связывали его с великим русским актером М.С. Щепкиным, с профессорами Московского университета О.М. Бодянским, Ф.И. Иноземцевым и П.Г. Редкиным, с известными собирателями народной поэзии М. А. Максимовичем и П.В. Киреевским, с одним из первых исследователей памятников древнего зодчества Москвы, архитек-

тором Ф.Ф. Рихтером. В Москве Гоголь встречается с В.Г. Белинским, Е.А. Баратынским, Т.Н. Грановским, М. Ю. Лермонтовым, Н.П. Огаревым, А.Н., Островским, И.С. Тургеневым, с художниками И.К. Айвазовским, П.А. Федотовым, с декабристами М. М. Нарышкиным и М.А. Фонвизинным. Он постоянно бывает на литературных вечерах у А.П. Елагиной и Д.Н. Свербеева. И когда мы сегодня посещаем в Москве связанные с Гоголем памятные места, они знакомят нас с рядом существенных фактов из жизни и творчества этого великого художника слова.

2

В конце июня 1832 года Гоголь впервые въехал в Москву. Низкие тучи, серая дымка дождя, грязь встретили его. Эти дни в Москве были пасмурными и холодными; температура нередко приближалась к 20 градусам¹. 4 июля он писал матери: «...погода была самая скверная, дожди проливные... я в Москву приехал нездоровым... здешние врачи советуют мне недельку обождать для совершенного поправления»².

Убог был день «заштатной» столицы. Пожелтевшие страницы «Московских ведомостей» уныло повествуют:

– о том, что Московская дворцовая контора продает на Пресненских прудах... «карасей отборных»³;

– о том, что «...Московский попечительный комитет императорского человеколюбивого общества вызывает чрез сие желающих принять на себя починку колодезя... в доме, пожертвованном комитету, на Моросейской улице...»⁴;

– о том, что «...Дорожная комиссия по Московской губернии, по неукладке в торгах на скошение травы на тротуарах по Рязанскому и Владимирскому трактам, вызывает желающих...»⁵.

Скупым языком газетных объявлений сообщается о продаже живых «душ» наравне с турецкими шальями, каретами, караковыми жеребцами, годными для «господ офицеров». Однако далеко не всегда крепостной люд безропотно подчинялся своему положению. В дни приезда Гоголя в Москву некая коллежская асессорша истощно взывала со страниц газеты: «Умершего мужа моего дворовый человек Алексей Журило, 28 лет, росту... белокур, глаза серые... бежал»⁶.

Барская Москва, сохраняя во многих чертах своего быта вековые традиции, скудела с каждым годом. Если в конце XVIII века 8,6 тысячи проживавших в Москве дворян обслуживала 61 тысяча дворовых, то в 1834–1840 годах на 15,7 тысячи дворян приходится дворовых всего 67 тысяч⁷. Из номера в номер «Московские ведомости» раскрывают безрадостную картину все растущего дворянского разорения. Продаются овеванные романтической дымкой семейных преданий прадедовские усадьбы, с молотка идут на аукционных торгах просроченные по закладным имения сановных действительных и тайных советников, лихих штабс-ротмистров, помещиков, промотавшихся на картах и борзых. Покинув Москву, Гоголь делится впечатлениями с поэтом И. И. Дмитриевым: «Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные... Помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец умирает, а они рыскают с горя за зайцами...»⁸.

«В Москве повсюду встречаете вы купцов, – говорит В. Г. Белинский, – и все показывает вам, что Москва, по преимуществу, город купеческого сословия»⁹. По его словам,

«она одевает всю Россию своими бумажно-прядельными изделиями; ее отдаленные части, ее окрестности и ее уезд – все это усеяно фабриками и заводами, большими и малыми»¹⁰. По статистическим данным, в Москве 1834–1840 годов на 15,7 тысячи дворян приходилось 17,8 тысячи купцов¹¹. В 1840-х годах в Москве и уезде было 787 фабрик, на которых работало 50 тысяч рабочих¹². По выражению Гоголя, «Москва – кладовая, она наваливает тюки да выюки, на мелкого продавца и смотреть не хочет... Москва не глядит на своих жителей, а шлет товары во всю Русь; Петербург продает галстухи и перчатки своим чиновникам»¹³.

Дворянское общество Москвы, обеспеченное трудом крепостных, продолжало жить патриархально – праздно, невежественно и сыто. Впоследствии А. И. Герцен вспоминал, что «...в Москве жизнь больше деревенская, чем городская, только господские дома близко друг от друга. В ней... живут себе образцы разных времен, образований, слоев, широт и долгот русских. В ней Ларины к Фамусовы спокойно оканчивают свой век; но не только они, а и Владимир Ленский и наш чудак Чацкий; Онегиных было даже слишком много. Мало занятые, все они жили не торопясь, без особых забот, спустя рукава»¹⁴. Он отмечал, что «...в Москве есть своего рода полудикий, полуобразованный барский быт... В добрейшей Москве можно через газеты объявить, чтоб она в такой-то день умилилась, в такой-то обрадовалась: стоит генерал-губернатору распорядиться и выставить полковую музыку или устроить крестный ход»¹⁵.

Паразитическая жизнь дворянской Москвы неизменно вызывала и у Гоголя чувство резкой неприязни. Гоголь решительно отказывался посещать вечера московской знати. Реакционный стихотворец, сенатор М. А. Дмитриев, племянник известного поэта, в неизданных воспоминаниях желчно рассказывает о том, что когда всесильный генерал-губернатор Москвы князь Д. В. Голицын учредил у себя литературные собрания, «долго не являлся один Гоголь. Как ни старались, как ни хлопотали его почитатели, Шевырев и Погодин, ввести его к князю: никак не удавалось!»¹⁶.

Косная, фамусовская Москва с пошлыми интересами, не идущими дальше чинов, семейных сплетен и званого обеда, по определению Гоголя, – «... старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается в свете... Москва всегда едет, завернувшись в медвежью шубу, и большею частию на обед»¹⁷. С большим сарказмом живописует портрет москвича В. Г. Белинский: «Лицо москвича никогда не озабочено: оно добродушно и откровенно, и смотрит так, как будто хочет вам сказать: а где вы сегодня обедаете?»¹⁸ – «Что касается до жизни (в Москве. – Б. З.)... – иронически писал Гоголь другу своей юности А.С. Данилевскому, – ...ты увидишь, что тебе совершенно не нужно будет дома обедать, и побуждения не будет для этого Кроме того, что это очень скучно...»¹⁹.

Пустая тревоугодническая жизнь, бесплодные споры, прекраснотушные мечтания нередко подменяли в Москве живую творческую деятельность. В.Г. Белинский так характеризовал литературную жизнь Москвы этих лет: «Где, если не в Москве, можете вы много говорить о своих трудах, настоящих и будущих, прослыть за деятельнейшего человека в мире – и, в то же время, ровно ничего не делать? Где, кроме Москвы, можете вы быть довольнее тем, что вы ничего не делаете, а время проводите преприятно?... москвичи же ограничиваются только беседами и спорами о том, что должно делать, беседами и спорами, часто очень умными, но всегда решительно бесплотными»²⁰. Ту же суровую оценку быта московской литературной среды мы находим и у Гоголя: «Они люди умные, но многословы и от нечего делать толкут воду в ступе»²¹. По его словам, «... в Москве все журналы, как бы учены ни были, но всегда к концу книжки оканчиваются картинкою мод... Московские журналы гово-

рят с Канте, Шеллинге и проч. и проч.; в петербургских журналах говорят только о публике и благонамеренности. В Москве журналы идут наряду с веком, но опаздывают книжками... В Москве литераторы проживаются в Петербурге наживаются»²². Жизнь Гоголя была самоотверженным под вигом высокого писательского труда. Потому-то так велико его негодование на праздность москвичей. «Мерзавцы вы все, московские литераторы, – возмущенно писал он Погодину в 1835 году. – ...Вы все только на словах. Как! затеяли журнал, и никто не хочет работать!.. Страм, страм, страм!.. ваши головы думают только о том, где бы и у кого есть блин во вторник, среду, четверг и другие дни»²³.

Но наряду с этой барской сытой Москвой была и другая, культурная и образованная. В этой Москве не погасла память о декабристах, из дома в дом ходили в списках запрещенные стихи Пушкина и Рылеева. В Московском университете, в общежитии «казеннокоштных» студентов, вокруг В. Г. Белинского образуется кружок передовой молодежи – «Литературное общество 11-го нумера». В кипучем кружке А. И. Герцена и Н. П. Огарева мечтают о борьбе за свободу и о мести за декабристов. Философские споры не смолкают до утра в мезонине у Н. В. Станкевича. У декабриста М. Ф. Орлова и у П. Я. Чаадаева ведутся вольнолюбивые беседы. Жизнь многих культурных домов Москвы окрашена в эти годы широкими литературными интересами. Тяжкий гнет николаевской реакции не смог задавить в Москве все проявления общественной мысли.

Гоголь горячо любил Москву как город народной славы, как живую летопись героического прошлого нашей родины, как город, красивейший по своему местоположению: «Как раскинулась, как расширилась старая Москва!»²⁴ Потому-то он мечтает о том времени, когда «...Москва получит большую значительность и степенность, какой ей недоставало. Тогда может восстановиться в ней та литературная патриархальность, на которую у ней есть только претензии, но которой в самом деле нет»²⁵.

3

Впервые посетив Москву по дороге из Петербурга в Васильевку в конце июня 1832 года, Гоголь прожил здесь очень недолго. «...Пробыл полторы недели, в чем, впрочем, и не раскаиваюсь. За все я был награжден», – пишет он с дороги своему товарищу по Нежинской гимназии Н. Я. Прокоповичу¹. Это его краткое пребывание было необычно деятельным. Он завязывает в московском ученом и литературно-театральном мире яд знакомств, установивших на долгие годы его связи с Москвой. «Там... – писал он впоследствии... – любят меня непритворно, искренно»².

Не безвестным автором приехал Гоголь в Москву: «Вечера на хуторе близ Диканьки» были давно уже прочтены, и мы все восхищались ими... – вспоминает С. Т. Аксаков. – Не вдруг узнали мы настоящее имя сочинителя; но Погодин ездил зачем-то в Петербург, узнал там, кто такой был «Рудый Панько»... и привез нам известие, что Диканьку написал Гоголь-Яновский. И так это имя было уже нам известно и драгоценно»³.

Особняк в Большом Афанасьевском переулке, 12, в котором произошли первая встреча и знакомство Н.В. Гоголя с семьей Аксаковых

Тем, что в Москве Гоголь появился уже сложившимся и привлечшим к себе внимание писателем, объясняется в значительной мере щедрая дань уважения и радушия, которая была ему здесь оказана. Продолжая путь в родную Васильевку, Гоголь писал с дороги И. И. Дмитриеву: «Минувши заставу и оглянувшись на исчезающую Москву, я почувствовал грусть. Мысль, что все прекрасное и радостное мгновенно, не оставляла меня до тех пор, пока не присоединилась к ней другая, что через три или четыре месяца я снова увижусь с вами»⁴.

Первым, с кого начались московские встречи Гоголя, был М. П. Погодин, с которым Гоголь познакомился еще в Петербурге. Оба они, помимо занятий литературой, вели тогда курсы истории: Гоголь – в Патриотическом женском институте в Петербурге, Погодин – в Московском университете. Насколько после первой встречи был велик их взаимный интерес друг к другу, свидетельствует тот факт, что Погодин, желая понять педагогические методы Гоголя, просит доставить ему на просмотр тетради его учениц, стремится связать его с московскими литераторами, Гоголь заканчивает ему письмо из Васильевки словами: «С нетерпением жажду обнять вас. Тянет в Москву»⁶.

Погодин в эти годы жил в своем доме на Мясницкой улице (дом № 8, не сохранился)¹.

¹ В Городском историческом научно-техническом архиве при Архитектурно-планировочном управлении г. Москвы (в дальнейшем сокращенно: ГИНТА) нам удалось обнаружить план этого владения от 1831 года, по которому мы можем составить себе некоторое представление о внешности этого не дошедшего до нас мемориального памятника, связанного с именами Пушкина, Гоголя, Щепкина, Аксакова и других представителей литературно-художественной Москвы. Почти параллельно Большому Златоустинскому (ныне Большому Комсомольскому) переулку владение делилось – начале оградой, затем постройками – на две части. Часть, примыкавшая к Большому Златоустинскому переулку и занимавшая примерно треть всей площади, была под двором и под хозяйственными одно- и двухэтажными постройками. На остальной площади показан сад, в середине которого находился обращенный фасадом к Мясницкой большой дом с мезонином. По углам к нему примыкали одноэтажные небольшие строения, которые на плане уже обозначены снесенными. Снесена была и терраса

Погодин познакомил Гоголя с С.Т. Аксаковым. Последний жил тогда в доме № 12 по Большому Афанасьевскому переулку и по субботам обычно устраивал интимные литературные собрания. На одно из них Погодин и привел Гоголя «без всякого предуведомления, – вспоминает С.Т. Аксаков. – Эффект был сильный. Я очень сконфузился, бросился надевать сюртук, бормоча пустые слова пошлых рекомендаций»⁶².

Однако в первый раз Гоголь пробыл очень недолго, около часу. Уходя, просил Аксакова познакомить его с М. Н. Загоскиным, для чего обещал зайти через несколько дней. С 1831 года М. Н. Загоскин занимал должность директора московских театров, и для Гоголя, уже тогда задумавшего ряд драматургических произведений (в частности, будущую «Женитьбу»), это знакомство было в деловом отношении весьма важным.

Через несколько Дней Гоголь зашел к С. Т. Аксакову, чтобы вместе посетить уже предупрежденного М. Н. Загоскина. Любопытно, что беседа дорогой шла о театре. «Я заметил, – вспоминает С.Т. Аксаков, – что русская комедия его сильно занимала и что у него есть свой оригинальный взгляд на нее»⁷.

М. Н. Загоскин с 1830 года жил в собственном доме в Денежном переулке (ныне улица Веснина, № 5, дом не сохранился)³.

с тремя сходами, соответствующая средней, «третьей», части дома. В углу сада, возле Мясницкой улицы, у границы с соседним владением, находилась беседка. Два бока ее были обстроены одноэтажными флигелями. Сзади дома показано несколько строений, также частично подвергшихся ломке.

² По словам С. Т. Аксакова, это свидание произошло в кабинете, «находившемся в мезонине... В комнате было жарко, и некоторые, в том числе и я, сидели без фраков» (С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, 1890, с. 5). Войдя во двор, мы можем видеть на боковой стене основного строения несколько окон, расположенных возле самой крыши, чем объясняется жара в этом небольшом помещении.

³ В начале XIX века это владение принадлежало П. А. Ефимовскому, родственнику и близкому другу популярного в те годы поэта и театрала И. М. Долгорукого. Как явствует из материалов этого владения, находящихся в ГИИТА, застройка его площади складывается при Ефимовском и сохраняется в основном до 1880-х годов. Сохранившиеся планы 1817 и 1858 годов рисуют нам это владение следующим образом: строения вдоль улицы были сдвинуты с оси несколько вправо, освобождая левый угол владения под сад или двор. В середине этого комплекса стоял одноэтажный деревянный оштукатуренный дом «покоем» в девять окон. По бокам его два деревянных же флигеля в три окна. Все нежилые постройки (сарай, конюшня, оранжерея и т. п.) были отнесены в глубь владения. Следует отметить, что в 1832 и 1833 годах в доме Загоскина жил Н. И. Надеждин, издатель московских журналов «Телескоп» и «Молва», в которых через три года появились статьи Белинского о произведениях Гоголя, сыгравшие громадную роль в творческой биографии писателя.

Николай Михайлович Загоскин

Небезынтересна история покупки им этого владения. Переехав в Москву в 1820 году, Загоскин жил в доме Новосильцева (Гагаринский переулок, № 29 и 31), на побочной дочери которого он был женат. Но, как рассказывает С. Т. Аксаков, «...Загоскин жил в доме своего тестя в мезонине... Комнатка, в которой он меня принял, была проходная... кругом разговаривали громко, нимало не стесняясь присутствием хозяина, принимавшего у себя гостя... Я понял положение бедного Загоскина посреди избалованного, наглого лакейства, в доме господина, представлявшего в себе отражение старинного русского капризного барина екатерининских времен, по-видимому не слишком уважавшего своего зятя»⁸. В 1829 году вышел роман писателя «Юрий Милославский», имевший по тому временам небывалый успех. Чтобы расстаться со своим тестем, Загоскин все, и довольно значительные, средства, полученные от издания, тратит на покупку этого дома.

Михаил Семенович Щепкин

Внимание Гоголя привлекают творческие силы московских театров. Он стремится познакомиться с главой московской труппы М. С. Щепкиным. В этом случае Гоголь обходится без посредников. Сын великого русского актера запомнил первое появление Гоголя в их доме. «Мы знали (вероятно, от С.Т. Аксакова, с которым М.С. Щепкин был очень близок. – Б. З.), что Гоголь... приехал в Москву. Это был его первый приезд сюда. Не помню, как-то на обед к отцу собралось человек двадцать пять... дверь в переднюю, для удобства прислуги, отворена настежь. В середине обеда вошел в переднюю новый гость, совершенно нам незнакомый. Пока он медленно раздевался, все мы, в том числе и отец, оставались в недоумении. Гость остановился на пороге в залу и, окинув всех быстрым взглядом, проговорил слова всем известной малороссийской песни:

Ходит гарбуз по городу,
Пытается своего роду:
Ой чи живы, чи здоровы
Вси родичи гарбузовы?

Недоумение скоро разъяснилось – нашим гостем был Н. В. Гоголь, узнавший, что мой отец тоже, как и он, из малороссов»⁹. С этого дня начинается многолетняя плодотворная дружба этих двух выдающихся деятелей русского реалистического искусства. Следует вспомнить, что в эти годы репертуар театров был наводнен легковесными, большей частью переводными, пьесами, в которых раскрыть свое дарование Щепкин, конечно, не мог. В 1835 году он жаловался петербургскому актеру И. И. Сосницкому: «...Бездействие совершенно меня убивает. Я сделался какою-то ходячею машиною или вечным дядею»¹⁰. Сохранилась красноречивая запись Гоголя о Щепкине: «Вмешали в грязь, заставляют играть мелкие, ничтожные роли, над которыми нечего дела[ть]. Заставляют то делать мастера, что делают ученики. Это все равно что архитектора, который возносит гениально соображенное здание, заставлять быть каменщиком и делать кирпичи»¹¹.

Гоголь нашел в Щепкине гениального воплотителя своей драматургии, который в свою очередь в пьесах Гоголя нашел ту жизненную правду, которую он мечтал утвердить на сцене. Щепкин был непревзойденным исполнителем и создателем ролей городничего («Ревизор»), Подколесина и Кочкарева («Женитьба») и Утешительного («Игроки»). По поводу первой постановки «Ревизора» в Москве современная ей критика писала: «Кажется, что Гоголь с него списывал своего городничего, а не он выполнял роль, написанную Гоголем»¹². Впоследствии Погодин указывал, что «...Гоголь сам обязан был многим Щепкину. Не говорю об их с лишком тридцатилетней близкой, короткой связи, не говорю об их частых беседах, исключительно посвященных драматическому искусству и русской жизни, не говорю о веселых, живых и умных рассказах Щепкина, которые часто встречаются в сочинениях Гоголя, – но тот смех, который Щепкин возбуждал в Гоголе, еще молодым человеке, выступавшем на поприще, не был ли задатком того смеха, каким после наделил нас Гоголь с таким избытком? Выводя на сцену многие действующие лица, Гоголь не имел ли в виду Щепкина»¹³. Много выдавший за свою трудовую жизнь, Щепкин был увлекательным рассказчиком. Известно, что по канве его воспоминаний А. И. Герцен написал «Сороку-воровку», а В. А. Соллогуб – «Собачку». Повествования Щепкина обогатили и творчество Гоголя. «Так, – вспоминает внук великого актера, – Михаил Семенович передал ему рассказ о городничем, которому нашлось место в тесной толпе, и о сравнении его с лакомым куском, попадающим в полный желудок. Так слова исправника: «полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбят» – были переданы Гоголю Щепкиным»¹⁴. По словам часто бывавшего в семье Щепкиных известного собирателя русских народных сказок А. Н. Афанасьева, «случай, рассказанный в «Старосветских помещиках» о том, как Пульхерия Ивановна появление одичалой кошки приняла за предвестие своей близкой кончины, взят из действительности. Подобное происшествие было с бабкою М. С.-ча»¹⁵.

Дом М.С. Щепкина в Большом Каретном переулке, 16. Акварель Б.С. Земенкова

Безусловно, что дом Щепкина привлекал Гоголя и высокими моральными устоями жизни великого артиста. Его ученица А. И. Шуберт пишет: «Каждому, у кого не было честных убеждений, в семье Щепкина было неловко: он поневоле должен был испаряться. Солгать, схитрить перед М. С. было немыслимо»¹⁶. Щепкин был одним из ближайших друзей Гоголя, а его дом являлся одним из наиболее дружественных приютов писателя. Внук великого актера свидетельствует: «Гоголь очень часто приезжал к Щепкину и оставался несколько раз ночевать»¹⁷.

Щепкин в год знакомства с Гоголем жил в собственном доме, приобретенном еще в 1830 году, в Большом Спасском (ныне Большой Каретный) переулке, № 16. Дом сохранился, за исключением небольшой террасы, выходившей в сад. Сад этот, бывший преимущественно фруктовым и занимавший значительную площадь владения, также не сохранился. Владение Щепкина, в годы проживания его здесь, походило на маленькую провинциальную усадьбу, прихотливо вкрапленную в густо застроенные в этом районе московские переулки. С полным основанием мы можем щепкинский дом отнести к крупнейшим мемориальным памятникам Москвы. Здесь великий актер писал свои известные «Записки». У него часто бывали Пушкин, Белинский, Гоголь, Герцен, Грановский, Тургенев. Но материальные невзгоды принудили Щепкина расстаться с собственным владением. С горечью писал он Гоголю 22 мая 1847 года: «Я продал дом, расплатился с долгами, и у меня остается, за уплатою за годовую квартиру, 1500 р.; вот все мое состояние...»¹⁸

Посетил Гоголь и старейшего московского литератора, друга Н. М. Карамзина, поэта И. И. Дмитриева, который, по словам П. А. Плетнева, «принял его со всею любезностью своею»¹⁹. Уже с дороги Гоголь вспоминал их встречу: «...я вижу вас, нашего патриарха поэзии, в ту самую минуту, когда вы радушно протянули руку еще безызвестному и не доверя-

ящему себе автору»²⁰. Дом И. И. Дмитриева не сохранился. Он находился на Спиридоновке (ныне № 17 по улице Алексея Толстого)⁴.

В этот же приезд Гоголь знакомится с выдающимся представителем московского научного мира, профессором Московского университета и директором его терапевтической клиники И. Е. Дядьковским, крупным врачом-практиком. Убежденный материалист, Дядьковский являлся человеком разносторонних знаний, даровитым ботаником, физиком и химиком. Он был одним из любимейших профессоров университета. Впоследствии А. А. Григорьев вспоминал, как «...молодежь медицинская увлекалась пением своей сирены, Дядьковского... Это имя всякий день звучало у меня в ушах... оно же было именем борьбы живой, эоловой науки с старою рутиной...»²¹. Как участника войны 1812 года Дядьковского связывали дружеские отношения с известным поэтом-партизаном Д. В. Давыдовым и будущими декабристами М. М. Нарышкиным и И. Д. Якушкиным. Он был близок со многими московскими литераторами – В. Г. Белинским, Д. В. Веневитиновым, Н. В. Станкевичем, М. А. Максимовичем, а также актерами П. С. Мочаловым и М. С. Щепкиным.

Очевидно, по рекомендации Погодина Гоголь обращается к Дядьковскому за медицинской помощью. Приехав в Васильевку, он вновь – через Погодина – обращается к нему за советами: «...мне не остается иного средства, как просить вас прибегнуть к Дядьковскому... Уверьте его, что с величайшею признательностью буду благодарить его...»²². Жил Дядьковский в Брюсовском переулке, № 21 (дом не сохранился)⁵.

Но наиболее существенный адрес – московский адрес самого Гоголя в этот приезд – остается для нас неизвестным. «Отдать визит Гоголю не было возможности, потому что не знали, где он остановился: Гоголь не хотел этого сказать», – пишет С. Т. Аксаков²³.

7 июля Гоголь выехал из Москвы. Ночевал он в Подольске, где был задержан проделками смотрителя. Нередко смотрители станций, придерживая казенных лошадей, предлагали своих, чтобы получить с проезжавшего значительно большую оплату. Современник иронически отмечает: «... город Подольск, известный проезжающим недостатком почтовых лошадей и плутовством смотрителя»²⁴. В Подольске Гоголю пришлось встретиться с одним из своих персонажей. 8 июля утром он пишет Погодину: «Я... свидетель прелестного утра. Ехать бы только нужно, но проклятое слово имеет обыкновение вырываться из уст смотрителей: нет лошадей... Впрочем совестливый смотритель объявлял, что у него есть десяток своих лошадей, которых он, по доброте своей (его собственное выражение) готов дать за пятерные прогоны. Но я лучше решил сидеть за Ричардсоновой Кларисой в ожидании лошадей; потому что ежели на пути попадется мне еще десять таких благодетелей человеческого рода, то нечем будет доехать до пристанища...»²⁵ Бывшее станционное здание сохранилось в Подольске и поныне. Оно находится на разветвлении Серпуховского и Варшавского шоссе и представляет собой небольшую двухэтажную постройку, типично екате-

⁴ Это колоссальное по площади владение – около 2 гектаров – было преимущественно под садом. Дом был деревянный из бревен, поставленных стоймя и скрепленных железными обручами. Построен он был в 1814 году самим И. И. Дмитриевым по проекту архитектора А. Л. Витберга. Просуществовал до начала 1890-х годов, когда был сломан новым владельцем, С. Т. Морозовым, построившим на его месте ныне существующий громадный дом.

⁵ Находящиеся в ГИИТА два плана этого владения – 1822 и 1840 годов – дают возможность воссоздать его вид в гоголевское время. В 1822 году почти вся площадь этого владения была не застроена. Вдоль Брюсовского переулочка не было ни одной постройки. Каменный двухэтажный жилой дом стоял в глубине двора, возле межи с владением № 23, боком к переулочку, лицом во двор. За ним по самой меже имелось небольшое, тоже двухэтажное, каменное жилое строение. Примыкая к нему, вдоль тон же межи тянулась до угла владения одноэтажная нежилая постройка – очевидно, сарай или конюшня. Такую же постройку мы видим и у межи, противоположной переулочку. К 1840 году эта часть двора в значительной мере уже занята службами. В центре же двора появляется небольшое жилое «в один этаж с подвалом» строение. Так в течение двадцати лет застройка владения почти не менялась.

рининского времени. Гоголь в нем неоднократно останавливался по дороге на юг, в Васильевку, и обратно в Москву.

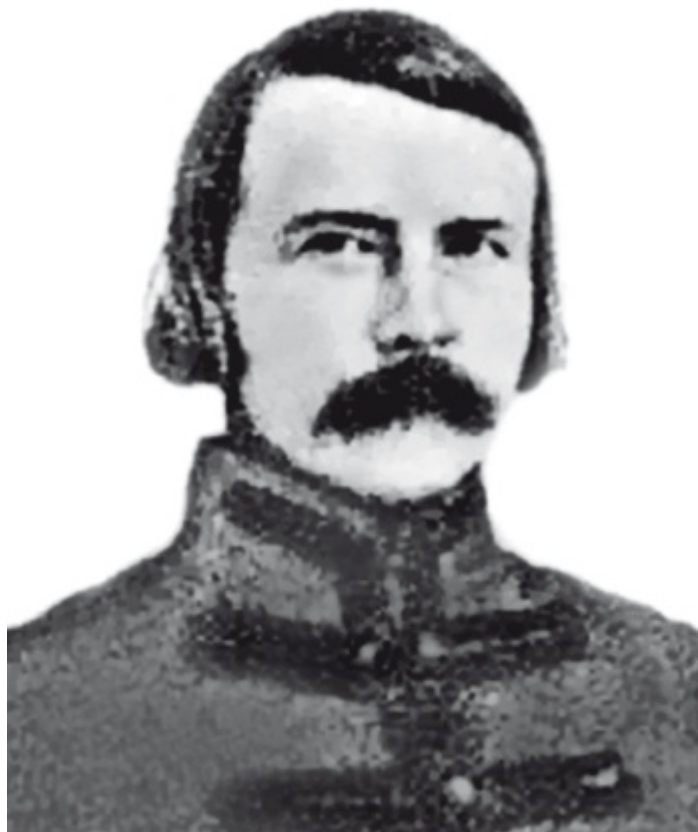
18 октября мы снова видим в Москве Гоголя, возвращающегося в Петербург. Пробыл он здесь всего несколько дней. «23 я думаю непременно выехать», – пишет он матери.

Однако за это короткое время Гоголь успел посетить Аксаковых, Загоскина и Погодина, а также расширить круг своих московских знакомств. Биограф писателя П. А. Кулиш пишет: «На возвратном пути из родины Гоголь отыскал в Москве своего земляка М. А. Максимовича, который был тогда профессором ботаники при Московском университете»²⁷. Гоголь не застал Максимовича дома, и последний сам поспешил навестить его в гостинице (в какой именно – нам, к сожалению, неизвестно). Их дружеские отношения сложились с этой же встречи. Надо полагать, что свойственная им обоим восторженная любовь к народной песне немало содействовала этому сближению. Горячая любовь к народному творчеству проходит через всю жизнь Гоголя. Песня, по мысли Гоголя, властвует над душевным миром человека, в песне он перерождается, «чувствует себя исполином; душа и все существование раздвигается, расширяется до беспредельности»²⁸. «Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!.. – пишет он Максимовичу. – ...Я не могу жить без песен...»²⁹ П. А. Кулиш, имевший возможность беседовать на эту тему после смерти Гоголя с С. Т. Аксаковым, Максимовичем и Бодянским, отмечает, что русская песня «увлекала его сердце непобедимую силою, как живой голос всего огромного населения его отечества»³⁰. Песни для Гоголя были родником, вдохновляющим и питающим его творчество. «Малороссии[йские] песни со мною, – пишет он Погодину 15 августа 1839 года, в процессе работы над «Тарасом Бульбой». – Запасаюсь и тщуся сколько возможно надышаться стариной»³¹. На примере этой повести мы видим, как многие старинные песни и думы ложатся в основу описываемых Гоголем эпизодов, характеров, бытовой обстановки. В работе Гоголя над историческим произведением песни как источники, наиболее ярко и полно выражающие народное осмысление событий, занимают видное место.

М. А. Максимович в это время готовил к печати свой сборник «Украинские народные песни» (вышел в 1834 г.). Гоголь, сам собиравший образцы народной поэзии, вернувшись в Петербург, деятельно помогает ему. Он обращается с просьбой к матери о присылке ему «старинной тетради с песнями, между ними есть многие очень замечательны»³², поручает сестре записывать бытующие песни. Все это в копиях он направляет Максимовичу. В публикации последнего свыше 150 записей принадлежит Гоголю.

М. А. Максимович, даровитый и разносторонний ученый – ботаник, историк, этнограф и литературовед, жил в те годы в Ботаническом саду, которым он заведовал (1-я Мещанская улица, № 28). Однако жилые и служебные постройки на его территории более позднего происхождения. Дом, где у Максимовича бывал Гоголь, не сохранился⁶.

⁶ Во время свидания Гоголя с Максимовичем Ботанический сад занимал значительно большую, чем ныне, территорию. «После 1832 года часть земли по Грохольскому (№ 3–9) и Ботаническому (№ 1–15, 2, 4, 8–14–20) переулкам распродана по участкам». (Музей истории и реконструкции Москвы. Архив Н. П. Чулкова. Пачка 1, тетрадь 21, с. 59).

Петр Васильевич Киреевский

У Максимовича Гоголь познакомился с жившим у него студентом О. М. Бодянским, который впоследствии был профессором истории и литературы славянских наречий в Московском университете. Гоголь с первой же встречи заинтересовался работой молодого ученого и посылал ему через Максимовича пожелания «успехов в трудах»: С конца 1840-х годов Гоголь был с Бодянским в близких и дружеских отношениях.

В этот же приезд, а возможно, и в предыдущий, у Гоголя произошло еще одно знакомство. П. А. Плетнев сообщал В. А. Жуковскому о пребывании Гоголя в Москве в 1832 году: «Вообще тамошние литераторы, кажется, порадовали его особенным вниманием к его таланту. Он не может нахвалиться Погодиным, Киреевским»³³. Здесь неясно, о каком из братьев Киреевских идет речь: об Иване Васильевиче – писателе и философе, в будущем ставшем одним из основоположников славянофильства, или о его младшем брате, Петре Васильевиче, вошедшем в историю нашей словесности своим собранием русских песен. Вкладчиками в это собрание были крупнейшие писатели тех лет. По словам П. В. Киреевского, «А. С. Пушкин, еще в самом почти начале моего предприятия, доставил мне замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии... Н. В. Гоголь сообщил мне тетрадь песен, собранную в различных местах России... В. И. Даль – собрание песен уральских... А. В. Кольцов – собрание песен Воронежской губернии» и т. д.³⁴. Все эти факты дают нам основание полагать, что сближение Гоголя было именно с П. В. Киреевским; слишком много у них было общих интересов. Тем более что П. В. Киреевский, начавший собирание песен в 1830 году, в 1831 и 1832 годах с особым рвением записывал их в подмосковных деревнях.

Братья Киреевские жили в эти годы в доме своей матери А. П. Елагиной (по второму браку) – ныне Хоромный тупик, № 4. Четверть века дом этот являлся одним из средоточий

науки, искусства и литературы в Москве. «У Красных у ворот, в республике, привольной науке, сердцу и уму...» – пишет о нем поэт Н. М. Языков³⁵. В. А. Жуковский называл Елагину– «моя поэзия»³⁶. И Гоголь, как мы увидим в дальнейшем, становится одним из постоянных посетителей этого крупнейшего литературного салона Москвы.

Дом А.П. Елагиной в Хоромном тупике, 4, в котором Н.В. Гоголь читал «Мертвые души». Акварель Б.С. Земенкова

«...До весны надеюсь быть у вас в Москве», – пишет Гоголь Погодину 25 ноября 1832 года³⁷. Но вновь посетить Москву ему удастся лишь в 1835 году. За эти два с половиной года он лишь деятельной перепиской поддерживает свои новые литературные связи. Из этой переписки явствует, что Москва, так тепло и приветливо его встретившая, становится для Гоголя уже родным и близким городом. «...Творческая сила меня не посещает до сих пор. Может быть, она ожидает меня в Москве», – пишет он Погодину³⁸. Не получая долго ответных писем, Гоголь сетует: «Вся Москва, кажется, забыла меня. Тогда как ее беспрестанно вижу в мыслях своих»³⁹. «Эх, зачем я не в Москве!» – вырывается у него в одном из последующих писем⁴⁰.

4

Внимание к творчеству Гоголя с прежней силой жило в Москве. В начале 1834 года он был избран в действительные члены Общества любителей российской словесности.

Но деятельность Общества в эти годы уже в значительной степени упала. Поэт М. А. Дмитриев так вспоминает о Ф. Ф. Кокошкине, председательствовавшем в Обществе в 1826–1833 годах: «...думал более о наружном блеске собраний и сделал из них один спектакль для публики»¹. Бездеятелен был и новый председатель – М. Н. Загоскин. Вот почему, учитывая весьма малое значение Общества любителей российской словесности в эти годы, Гоголь

иронически замечает его секретарю Погодину в ответ на присылку диплома: «При этом почтеннейшем вашем письме я получил маленькое прибавление, впрочем гораздо больше письма вашего, о венчании меня, недостойного, в члены Общества любителей слова, труды которого, без сомнения, слышны к Лондоне, Париже и во всех городах древнего и нового мира»².

Весной 1835 года Гоголь вновь направляется в Васильевку. По дороге он проводит несколько дней в Москве. Об этом кратком пребывании сал: он пишет, что «...был страшно захлопотан и при всем том многих не видел»³. Однако Гоголь все же успел ознакомить москвичей со своей новой пьесой. Это была вчерне написанная «Женитьба», носившая тогда название «Женихи». Редактор журнала «Московский наблюдатель» В. П. Андросов сообщал А.А. Краевскому в Петербург в письме от 19 мая, что «...недели с три... Гоголь читал свою комедию «Женитьба». Чтение это происходило у Погодина, по определению исследователей, 4 мая. Где в это время жил Погодин, продав свой дом на Мясницкой, — неизвестно. Чтение Гоголя имело большой успех. «Уморил повеса всю честную компанию... — пишет Андросов, — я хотел было — или лучше мои сотрудники желали было приобрести комедию для журнала, но он не согласился, хочет дать на сцену»⁴.

Об успехе выступления Гоголя пишет и Погодин: «Читал Гоголь так... как едва ли кто может читать. Это был верх удивительного совершенства... как ни отлично разыгрывались его комедии... но впечатления никогда не производили они на меня такого, как в его чтении». Особо он отмечает выразительность гоголевской мимики: «Когда дошло дело до любовного объяснения у жениха с невестой — «в которой церкви вы были в прошлое воскресенье? Какой цветок больше любите?» — прерываемого троекратным молчанием, он так выражал это молчание, так оно показывалось на его лице и в глазах, что все слушатели *a la lettre*⁷ покатывались со смеху, а он, как ни в чем не бывало, молчал и поводил только глазами»⁵.

На это чтение в числе других были приглашены Погодиным Е.А. Баратынский и Денис Давыдов, которые не смогли приехать. Из их ответных писем трудно выяснить, в какой мере поддерживались у них личные отношения с Гоголем и мог ли последний бывать у них.

С большой долей вероятности можно полагать, что Гоголь в эти годы бывал у Баратынского. Еще в 1833 году в письме к Погодину он включает Баратынского в число своих ближайших московских знакомых: «Что делают наши москвичи? Что Максимович?.. А Киреевский... Не делает ли чего Баратынский? и не будет ли кто из вас этого лета в Петербурге?» В 1835 году Баратынский приобрел собственное владение на Спиридоньевской (ныне улица Алексея Толстого, № 14–16, дом не сохранился). Признаком известного сближения Баратынского с Гоголем можно считать его участие на первом именинном обеде Гоголя в 1840 году. Но в дальнейшем их отношения не получили развития. В 1841 году Баратынский приступил к постройке нового дома в Муранове, редко бывал в Москве, живя возле своей усадьбы в Артемово зимой и летом, по его словам, «в глубочайшем уединении...»⁷. Когда же Гоголь с 1848 года жил преимущественно в Москве, Баратынского уже не было в живых.

Второе чтение «Женитьбы» намечалось у С. Т. Аксакова, который в это время переехал из Афанасьевского переулка в дом Штюмерера на Сенном рынке⁸. Но Гоголь пришел к Аксакову с большим опозданием и заявил, что в этот день он читать не может. На чтение С. Т. Аксаков пригласил тех лиц, которые не присутствовали на предыдущем; в числе собрав-

⁷ Буквально (фр.).

⁸ Ныне это владение № 3 по Красноворотскому проезду. Площадь перед ним, занятая с 1890 года сквером, ранее именовалась Сенным рынком. К сожалению, по этому владению не сохранилось никаких архивных материалов, но наличие белокаменного фундамента, пропорции окон, особенно в дворовой части, их оформление — все это заставляет полагать, что данное строение сохранилось, хотя декорировка его и подверглась некоторым изменениям.

шихся были Н. В. Станкевич и В. Г. Белинский. Так дом Штюрмера явился местом первой встречи великого критика с Гоголем.

Виссарион Григорьевич Белинский

Славные имена Белинского и Гоголя неразрывно связаны в истории нашей литературы. Если Гоголь был родоначальником критического реализма в русской литературе, то произведения великого критика занимают в ней, по определению Н. Г. Чернышевского, «столь же важное место, как произведения самого Гоголя»⁸. Белинский непримиримо и страстно вел борьбу за гоголевскую школу, помогал самому Гоголю утвердиться на пути народности и реализма. Гоголь был любимым писателем Белинского, в его переписке и статьях мы часто встречаем гоголевские выражения. В своих полемических выступлениях он нередко пользуется образами Гоголя. Еще за год до их первой встречи Белинский в своей замечательной статье «Литературные мечтания» (1834 г.) высоко оценил молодого Гоголя, отметив, что он «принадлежит к числу необыкновенных талантов... Дай бог, чтобы он вполне оправдал поданные им о себе надежды»⁹. Разбирая вышедшие в начале 1835 года сборники

«Арабески» и «Миргород», Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» видит в нем уже «главу литературы»¹⁰.

В конце августа, возвращаясь в Петербург, Гоголь останавливается дольше в Москве. Его сопровождали А. С. Данилевский, один из ближайших друзей писателя, и И. Г. Пашенко; оба – его товарищи еще по Нежинской гимназии. Нельзя не отметить своеобразный характер этой поездки. «Здесь была разыграна оригинальная репетиция «Ревизора», которым тогда Гоголь был усиленно занят. Гоголь хотел основательно изучить впечатление, которое произведет на станционных зрителей его ревизия с мнимым инкогнито. Для этой цели он просил Пашенку выезжать вперед и распространять везде, что следом за ним едет ревизор, тщательно скрывающий настоящую цель своей поездки... Когда Гоголь с Данилевским появлялись на станциях, их принимали всюду с необычайной любезностью и предупредительностью... Гоголь держал себя, конечно, как частный человек, но как будто из простого любопытства спрашивал: – «Покажите, пожалуйста, если можно, какие здесь лошади; я бы хотел посмотреть их»¹¹.

Гоголь, Данилевский и Пашенко остановились в гостинице, в какой именно – нам, к сожалению, опять неизвестно.

На другой же день Гоголя посетил И. И. Дмитриев. Узнав, что он везет в Петербург комедию «Женитьба», Дмитриев просил прочитать ее у него дома, в кругу избранных москвичей. Т. Г. Пашенко рассказывает: «На вечере у Дмитриева собралось человек 25 московских литераторов, артистов и любителей, в числе которых был и знаменитый Щепкин с двумя своими дочерьми... по одну сторону Гоголя сидел Дмитриев, а по другую Щепкин. Читал Гоголь так превосходно, с такой неподражаемой интонацией, переливами голоса и мимикой, что слушатели приходили в восторг, не выдерживали и прерывали чтение различными восклицаниями. Кончил Гоголь и свистнул... Восторженный Щепкин сказал так: «Подобного комика не видал и не увижу!» Потом, обращаясь к дочерям, которые готовились поступить на сцену, прибавил: «Вот для вас высокий образец художника, вот у кого учитесь!»¹² Все современники единодушно отмечают исключительное мастерство и неподражаемую выразительность гоголевского чтения. Такой мастер русской сцены, как Щепкин, считал, что Гоголь обладал непревзойденным сценическим дарованием. Нельзя также забывать, что при постановке своих пьес Гоголь обычно сам, своим чтением, показывал актерам, как именно нужно им исполнять роли в его пьесах. С. Т. Аксаков, вспоминая чтение Гоголем «Женитьбы» в Москве в 1835 году, говорит: «Гоголь до того мастерски читал или, лучше сказать, играл свою пьесу, что многие понимающие это дело люди до сих пор говорят, что на сцене, несмотря на хорошую игру актеров, особенно Садовского в роли Подколесина, эта комедия не так полна, цельна и далеко не так смешна, как в чтении самого автора»¹³.

В этот приезд в Москву Гоголь также встречался (как явствует из его записки к Погодину об устройстве дружеского обеда) с профессором энциклопедии права Московского университета П. Г. Редкиным¹⁴. Сын боевого суворовского офицера, участника героического альпийского похода «чудобогатырей», Редкий был старым товарищем писателя по Нежинской гимназии и принимал вместе с Гоголем участие в литературном ученическом кружке. В начале 1830-х годов он закончил свое образование в Берлинском университете, где слушал у Гегеля логику и историю философии. Молодой профессор был любим студентами; по воспоминаниям А. Н. Афанасьева, он «читал с одушевлением оратора»¹⁵. Позднее Редкий был в близких отношениях с Герценом. В 1830-е годы он жил на Большой Полянке, в доме № 30.

К этому же пребыванию Гоголя в Москве относится его знакомство с автором популярной в свое время хрестоматии по истории русской литературы А. Д. Галаховым. Последний вспоминает, что он несколько раз встречал Гоголя у профессора судебной медицины А. О. Армфельда, близкого со многими литераторами – Аксаковым, Погодиным и другими.

Узнав, что Галахов знакомит институток с его сочинениями, исключая, по указанию начальницы института, отдельные места, Гоголь рассмеялся и посоветовал читать «все сплошь... Ведь дивчата прочтут же тайком, втихомолку»¹⁶. Армфельд, с которым Гоголь был в дальнейшем в довольно, близких отношениях, жил в эти годы на казенной квартире при Сиротском; институте Московского воспитательного дома (Солянка, № 12).

Павел Воинович Нащокин

Можно полагать, что именно в этот приезд на квартире Аксаковых Гоголь встретился и с известным другом Пушкина П. В. Нащокиным. Жена последнего отмечает, что «...Гоголь скоро стал своим человеком в нашем доме»¹⁷. Вспомним, что эпизод из жизни Нащокина послужил Пушкину сюжетом «Домика в Коломне», его рассказы о помещике Островском Пушкин использовал для «Дубровского». Своеобразной личностью Нащокина заинтересовался и Гоголь. По свидетельству Щепкина, именно с него списан характер помещика Хлобуева во втором томе «Мертвых душ». Выделял Гоголя и Нащокин. После смерти Пушкина он видит в нем его преемника. Об особом внимании к Гоголю свидетельствует следующее сообщение Нащокина в письме к Погодину (1844 г.): «Часы, которые он (Пушкин. – Б. З.) носил... я их подарил Н. В. Гоголю, у которого они еще и теперь находятся»¹⁸. В эти годы Нащокин жил в Воротниковском переулке, в доме Ивановой (ныне № 12). Дом в основном

сохранился, лишь вместо мезонина в 1838 году на первом этаже был выведен цельный второй этаж.

1 сентября Гоголь уже был в Петербурге. Здесь необходимо остановиться на одном весьма существенном факте творческой биографии Гоголя, тесно связанном с Москвой. В 1835 году осложняются его взаимоотношения с Петербургским университетом, где с июля 1834 года он был определен адъюнктом по кафедре истории. Вышедшие в начале 1835 года его книги «Арабески» и «Миргород» подверглись резким нападкам петербургской критики. Зная большую восприимчивость Гоголя, нельзя не думать, что эти дни были для него очень трудными. «Неизвестно, что случилось бы с автором, впечатлительным до крайности, — пишет П. В. Анненков, близко стоявший к Гоголю, — если бы Москва разделила сомнения и холодность петербургской публики, но здесь он встретил участие, поднявшее, как нам хорошо известно, нравственную бодрость его и сообщившее ему уверенность в своих силах... Нет сомнения, что Белинский первый положил твердый камень в основание всей последующей его известности, начав первый объяснять смысл и значение его произведений. Можно думать, что Белинский уяснил самому Гоголю его призвание и открыл ему глаза на самого себя»¹⁹. Речь здесь идет о двух статьях Белинского: «Гоголь, «Арабески» и «Миргород»» («Молва», 1835, № 15; ценз. разр. от 12 апреля) и главным образом «О русской повести и повестях г. Гоголя» («Телескоп», 1835, № 7 и 8, ценз. разр. от 1 и 21 сентября). В первой статье Белинский писал о значении произведений Гоголя: «...эти новые произведения игривой и оригинальной фантазии г. Гоголя принадлежат к числу самых необыкновенных явлений в нашей литературе»²⁰. Во второй же, раскрывая сущность дарования писателя, он говорил: «Отличительный характер повестей г. Гоголя составляют — простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния... Гоголь — поэт, поэт жизни-действительной»²¹. И далее: «После «Горе от ума» я не знаю ничего на русском языке, что бы отличалось такою чистейшею нравственностью и что бы могло иметь сильнейшее и благодетельнейшее влияние на нравы, как повести г. Гоголя»²². Вот почему нельзя не согласиться с Анненковым, утверждавшим, что «...настоящим восприемником Гоголя и русской литературе, давшим ему имя, был Белинский... Я близко знал Гоголя в это время и мог хорошо видеть, как, озадаченный и сконфуженный не столько ярыми выходками Сенковского и Булгарина, сколько общим осуждением петербургской публики, ученой братии и даже приятелей, он стоял совершенно одинокий, не зная, как выйти из своего положения и на что опереться... Руку помощи в смысле возбуждения его упавшего духа протянул ему тогда никем не прошенный, никем не ожидаемый и совершенно ему неизвестный Белинский, явившийся с упомянутой статьей в «Телескопе» 1835-го года. И с какой статьей! Он не давал в ней советов автору, не разбирал, что в нем похвально и что подлежит нареканию... — а, основываясь на сущности авторского таланта и на достоинстве его мирозерцания, просто объявил, что в Гоголе русское общество имеет будущего великого писателя»²³. Так признание Гоголя пришло из Москвы. Белинский прозорливо понял и оценил историческую роль Гоголя для русской литературы еще до написания им «Ревизора» и «Мертвых душ».

5

6 декабря 1835 года Гоголь писал Погодину из Петербурга: «Я расплевался с университетом, и через месяц опять беззаботный казак... Но в эти полтора года... я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души... Смеяться, смеяться давай теперь побольше. Да здравствует комедия! Одну наконец решаюсь давать на театр (речь идет о законченном «Ревизоре». — Б. З.)... Скажи Загоскину, что я буду писать к нему об этом, и убедительно

просить о всяком с его стороны вспомоществовании, а милому Щепкину: что ему десять ролей в одной комедии... Той комедии, которую я читал у вас в Москве, давать не намерен на театр («Женихи», впоследствии названная «Женитьба». – Б. З.)...»¹ Однако «Ревизора» Гоголь выслал в Москву лишь через четыре с лишним месяца, уже после премьеры (19 апреля 1836 г.) в Петербурге. Он не доверял современным ему артистическим силам, воспитанным на развлекательных переводных водевилях, справедливо опасаясь, что общественный пафос его комедии будет снижен в постановке. Личное и деятельное участие в ней он считал необходимым. Вспоминая премьеру «Ревизора» в Петербурге, П. В. Анненков пишет: «Хлопотливость автора во время постановки своей пьесы, казавшаяся странной, выходящей из всех обыкновений и даже, как говорили, из всех приличий, горестно оправдалась водевильным характером, сообщенным главному лицу комедии, и пошло-карикатурным, отразившимся в других. Гоголь прострадал весь этот вечер»². Во что же бы превратилась его комедия, если бы он устранился от работы с актерами? Свое присутствие в Москве он считал необходимым, чтобы личным чтением дать правильное и общественно заостренное раскрытие персонажам пьесы. 21 февраля он пишет Погодину: «Не хочу даже посылать прежде моего приезда актерам, потому что ежели они прочтут без меня, то уже трудно будет переучить их на мой лад. Думаю быть если не в апреле, то в мае в Москве»³.

Но роковой день премьеры «Ревизора» в Петербурге по существу надломил жизнь Гоголя и вызвал многолетние скитальчества за границей, только бы вон из николаевской России! Напрасно Щепкин, беспокоясь о судьбе московской постановки, пытался добиться приезда сюда Гоголя. По его просьбе Пушкин, находившийся тогда в Москве, пишет жене: «Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актера Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву прочесть «Ревизора». Без него актерам не спеться... не надобно чтоб «Ревизор» упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в П.[етер]-Б.[ург]е...»⁴.

Пытается воздействовать на Гоголя и Погодин. «Щепкин плачет, – пишет он. – ...Ты сделал с ним чудо. При первом слухе о твоей комедии на сцене он оживился, расцвел, вновь сделался веселым, всюду ездил и рассказывал. Надо почтить это участие таланта»⁵. Но, жестоко потрясенный петербургской премьерой, Гоголь с горечью пишет 29 апреля Щепкину: «Посылаю вам «Ревизора»... познакомившись с здешнею театральною дирекциею, я такое получил отвращение к театру, что одна мысль о тех приятностях, которые готовятся для меня еще и на московском театре, в силе удержать и поездку в Москву и попытку хлопотать о чем-либо... Мочи нет. Делайте, что хотите, с моей пьесой... Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня. Бранят и ходят на пьесу; на четвертое представление нельзя достать билетов... уже находились люди, хлопотавшие о запрещении ее. Теперь я вижу, что значит быть комическим писателем. Малейший призрак истины – и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия»⁶.

Первое представление «Ревизора» в Москве состоялось 25 мая 1836 года. Ввиду ремонта Большого театра спектакль был дан в Малом. Городничего играл Щепкин, Хлестакова – Ленский. Однако первые спектакли, на которых присутствовало преимущественно светское общество Москвы, принимались сдержанно. В письме к актеру И. И. Сосницкому, исполнителю роли городничего в Петербурге, М. С. Щепкин иронически поясняет подлинные причины непринятия пьесы этим кругом зрителей: «Бранишь, что я не писал подробно об успехе пьесы... Публика была изумлена новостью, хохотала чрезвычайно много, но я ожидал гораздо большего приема. Это меня чрезвычайно изумило; но один знакомый забавно объяснил мне эту причину: «Помилуй, говорит, как можно было ее лучше принять,

когда половина публики берущей, а половина дающей»⁷. Очень может быть, что именно этот круг зрителей первых петербургских и московских спектаклей «Ревизора» вызвал в позднейшей редакции появление известной реплики городничего: «Чему смеетесь? Над собою смеетесь!».

О том, в какой мере казнокрадство и взяточничество вошли в плоть и кровь николаевского режима и поощрялись сверху, наглядно свидетельствует красноречивая запись петербургского полицмейстера Ф. Б. Дубисса-Крачака. По его словам, «обычай» взяточничества, «как бы узаконенный, до того строго и точно соблюдался, что император Николай I посылал праздничные каждый раз по 100 руб. тому квартальному надзирателю, в квартале которого находился Зимний дворец»⁸. В этой ситуации становится вполне понятной общеизвестная фраза Николая I о том, что в «Ревизоре» досталось всем, а ему в особенности.

Московский журнал «Молва» посвятил первому представлению «Ревизора» большую воинствующую статью, написанную, как недавно установлено, Н. С. Селивановским, близким знакомым Белинского. Эта статья имеет громадное значение для уяснения той исторической обстановки, в которой осуществлялась московская постановка «Ревизора». В ней подчеркивается, что светские зрители, заполнившие в день премьеры театр, не могли не встретить враждебно пьесу Гоголя: «Так должно было быть, так и случилось!». Автор отмечает, что «...публика, посетившая первое представление «Ревизора», была публика высшего тона, богатая, чиновная, выросшая в будаурах... Эта публика не обнаруживает ни печали, ни радости, ни нужды, ни довольства... потому, что это неприлично, что это вульгарно. Блестящий наряд и мертвенная холодная физиономия, разговор из общих фраз или тонких намеков на отношения личные: вот отличительная черта общества, которое низошло до посещения «Ревизора», этой русской, всероссийской пьесы, изникнувшей не из подражания, но из собственного, быть может, горького чувства автора. Ошибаются те, которые думают, что эта комедия смешна, и только. Да, она смешна, так сказать снаружи; но внутри, это горе-гореваньице, лыком подпоясано, мочалами испутано. И та публика, которая была в «Ревизоре», могла ли, должна ли была видеть эту подкладку, эту внутреннюю сторону комедии?.. Мы собираемся идти к судье, или городничему, думаем, как говорить и что сказать ему, а публика, о которой говорим теперь, кличет судью, зовет городничего... С этой-то точки глядя на собравшуюся публику, пробираясь на местечко между действительными и статскими советниками, извиняясь перед джентльменами, обладающими несколькими тысячами душ, мы невольно думали: вряд ли «Ревизор» им понравится, вряд ли они поверят ему, вряд ли почувствуют наслаждение видеть в натуре эти лица, так для нас страшные... Уже в антракте был слышен полуфранцузский шепот негодования, жалобы, презрения: «mauvais genre!»⁹ – страшный приговор высшего общества, которым клеймит оно самый талант, если он имеет счастье ему не нравиться... мы слышали, выходя из театра, как иные в изумлении спрашивали: что же это значит?»⁹.

Статья в «Молве» гневно повествует о той закулисной борьбе, которая велась в дирекции московских театров против «Ревизора», бичует ее попытки обречь пьесу на провал. Это свидетельствует, что автор статьи (подписавшийся криптонимом «АБВ») хорошо знал обстановку, в которой осуществлялась московская постановка «Ревизора». 29 апреля Гоголь выслал пьесу М. С. Щепкину. 10 мая, давая ряд указаний об исполнении ролей, он просит его же «непременно из дружбы ко мне взять на себя все дело постановки... Скажите Загоскину, что я все поручил вам. Я напишу к нему»¹⁰. В тот же день он пишет М. Н. Загоскину: «Препроводив к вам моего Ревизора, смею льстить себя надеждою, что окажете ему ваше покровительство в постановке на московскую сцену. В рассуждении многих обстоятельств сцени-

⁹ Дурной жанр (фр.).

ческих уполномочиваю Щепкина, которому я передал свои замечания...»¹¹ И чуть ли не в тот же день дирекция в лице Загоскина предприняла ряд мер, заставивших зависящего от нее Щепкина отказаться от руководства постановкой. Хорошо знавший театр и пользовавшийся большим авторитетом у московских актеров С. Т. Аксаков, по просьбе Щепкина, попытался взять эту почетную обязанность на себя. Уже 15 мая Гоголь отвечал ему: «Я не знаю, как благодарить за готовность вашу принять на себя обузу и хлопоты по моей пьесе. Я поручил ее уже Щепкину... Если же ему точно нет возможности ладить самому с дирекцией... я в ту же минуту приготовлю новое письмо к Загоскину»¹². В результате, как пишет Н. С. Тихонравов, «Ревизор» был поставлен без участия Аксакова на московской сцене; Щепкин волей-неволей устранился от постановки... за десять дней до первого представления «Ревизора» в Москве еще шли споры о том, кому должна была достаться честь постановки комедии... актеры лишены были непосредственных указаний... С тупым равнодушием, если не с затаенным нерасположением, отнеслись представители московской дирекции к постановке «Ревизора» на сцену; они могли здесь действовать, не стесняясь: сам творец комедии не присутствовал на репетициях. Воспитанный на французской комедии Загоскин мог ли понять «Ревизора»? Мог ли сознать тот великий грех, который он совершал перед лицом «любителей театра», устраняя Щепкина от постановки комедии?»¹³.

«Молва» писала: «Автор, как известно, поручил заняться обстановкою пьесы г. Щепкину, и точно не мог найти человека достойнее. Страстная любовь к своему искусству, глубокое, сознательное уважение к таланту автора, давнее, непреодолимое желание выбиться из колеи французской комедии и образовать что-нибудь собственное, тщательное изучение характера лиц, способ его олицетворения: все это указывало на г. Щепкина, и только на него одного на пустыре московской сцены... но кто ставливал когда-нибудь пьесы, тот знает, что он может распоряжаться всем для успеха пьесы, – всем, кроме выбора персонажей, костюмов, декораций и даже объяснения ролей. Что же остается делать?.., пожалеем, что в пьесе, вероятной до нельзя, допущены нелепые, допотопные костюмы, что она не объяснена артистам, и что они сами худо в нее вникнули... в представлении было утрачено лучшее, что есть в характере пьесы, тем более что при первом представлении вообще всех артистов можно упрекнуть в необыкновенной торопливости высказывать свою ролю, отчего многое терялось, оставаясь не замечено...»¹⁴. «Молва» обвиняла дирекцию, и прежде всего Загоскина, в том, что, ставя «Ревизора» почти без репетиций, без должных декораций и костюмов, придавая ему «скороговоркой» и «торопливостью» исполнения характер легкомысленного переводного водевильчика, она по существу пыталась провалить пьесу, лишит ее всей сатирической силы.

В феврале 1843 года, в связи с московской постановкой «Женитьбы», С. Т. Аксаков писал Гоголю, что «Загоскин... особенно взбеленился на эпиграф к «Ревизору». С пеной у рта кричит: «да где же у меня рожа крива?» Это не выдумка»¹⁵. И если взглядеться пристальнее в факты, то едва ли поведение Загоскина можно рассматривать лишь как проявление только литературной вражды. Здесь можно усмотреть и более глубокие корни. За спиной Загоскина вырастает зловещая фигура главы III отделения Бенкендорфа. Нельзя не полагать, чтобы Бенкендорф, столь рьяно стремившийся подавить любое проявление свободной мысли в стране, мог бы оставить без внимания и без противодействия отношение к пьесе передовой общественности, которая, по словам А. И. Герцена, на спектаклях «Ревизора» «... своим смехом и рукоплесканиями протестовала против нелепой и тягостной администрации, против воровской полиции, против общего «дурного правления»»¹⁶.

Весьма симптоматична та неожиданная настойчивость, с какой Загоскин не допускал к руководству постановкой и М. С. Щепкина и С. Т. Аксакова. Если учесть их близкое знакомство, при котором такая линия поведения становится вопиющей бестактностью, 'то это

упорное сопротивление участию в постановке творчески деятельных сил может быть объяснено лишь указанием свыше. Характерны также то расположение и та симпатия, которые всегда отчетливо звучат в письмах Бенкендорфа к Загоскину и на которые всемогущий глава III отделения был далеко не щедр. В 1839 году, когда жандармский офицер В. Владиславлев приступил к изданию альманахов «Утренняя заря», Бенкендорф с подчеркнутой любезностью просит Загоскина принять в них участие, отмечая, что «... всякое приношение ваше в сей альманах будет принято мною с искренней благодарностью»¹⁷. В 1836 году – всего через два с половиной месяца после московской премьеры «Ревизора» – Бенкендорф писал Загоскину о том, что он, «... свидетельствуя совершенное почтение его высокоородию Михаилу Николаевичу, покорнейше просит его, как очевидца сегодняшнего шествия его величества государя императора в Успенский собор, потрудиться написать о сем статью, которую доставить к нему... для помещения оной в газету «Северная пчела»¹⁸. В этом письме обращает на себя внимание тот факт, что из среды всех московских литераторов Бенкендорф считал достойным лишь Загоскина стать рупором III отделения и что он привлекает его к участию в органе своего давнишнего агента Ф. В. Булгарина – ожесточенного врага Гоголя.

В этой связи становится понятным, почему именно «Северная пчела» рьяно выступила на защиту Загоскина от обличительной статьи в «Молве». В булгаринской газете появилось письмо из Москвы с подписью, весьма напоминающей наименования героев очерков Загоскина: «Титулярный советник Иван Евдокимов сын Покровский». Официозное происхождение этого письма не вызывает сомнений. Автор его, не обращая внимания на подпись под статьей в «Молве» – «АБВ», заявляет: «Эта статья никем не подписана, но, кажется, судя по слогу, энергии, логике и вежливому тону, она сочинена г. Белинским»¹⁹. После этого недостойного выпада автор письма переходит к прямому доносу, указывая, что «... не проходит разу, чтобы в «Молве» он (Белинский. – Б. З.) не учил уму-разуму московских актеров... г. Белинский, говоря о вашем (то есть петербургском. – Б. З.) Каратыгине, закричал в «Молве»: «Не надо нам актера-аристократа!»... как же после этого какой-нибудь порядочный артист, который дорожит своим местом, может угодить г. Белинскому?»²⁰. На эти прямые угрозы, в том числе и актерам, великий критик отвечал заметкой в «Телескопе»: «От Белинского». В ней он отклонял от себя «незаслуженную честь» авторства статьи в «Молве», оговариваясь, однако, что ему «... было бы очень приятно подписать свое имя», так как он «согласен с большею частью мнений». В этой же заметке он недвусмысленно спрашивает, как бы вскрывая те закулисные силы, которые ополчились на «Ревизора»: «Кто знает настоящий ранг почтенного не литератора, скрывшегося под скромным именем титулярного советника? Из слов его видно, что он имеет большой круг деятельности, силу немаловажную... что это значит? Почтенный титулярный советник не дает ли этим знать, что актер, который подорожил бы моим мнением или последовал бы моему совету... должен «лишиться места»? Странно! Этот г. титулярный советник что-то очень грозен!»²¹.

«Критик «Молвы», – пишет Н. С. Тихонравов, – дает понять, что Булгарин и Сенковский, помимо печатных статей, в которых Гоголь обзывался «клеветником на Россию», не останавливались и перед письменной клеветой на творца «Ревизора». Любопытное современное свидетельство!»²². Озлобленные критические отзывы, вмешательство в постановку, доносы, угрозы актерам – все было пущено в ход реакционными кругами в оголтелом походе против гениального произведения Гоголя. Травля «Ревизора» продолжалась долгие годы. Даже через три с половиной десятилетия после первой постановки правительственные круги боялись показывать народу пьесу Гоголя. 4 июня 1872 года в Москве был открыт спектаклем «Ревизор» народный театр при Политехнической выставке. Через непродолжительное время московский генерал-губернатор получил телеграмму министра внутренних дел «с запрещением давать «Ревизора», производящего слишком сильное впечатление на

публику, и притом не то, какое желательно правительству»²³. Лишь с большим трудом, и то из опасения нежелательных толков, пьесу разрешили показать еще... три раза.

К чести московских артистов необходимо отметить, что московская постановка, вопреки воле дирекции, все же достигла высокого уровня благодаря их искренней и верной игре, что было осуществлено, безусловно, деятельнейшим участием в постановке гениального истолкователя гоголевской драматургии М. С. Щепкина. Через два года после постановки, 17 мая 1838 года, силами тех же участников «Ревизор» был показан в театре Петровского парка. Об этом спектакле В. Г. Белинский отозвался восторженно: «Городничего играл Щепкин... И как он выполнил ее (роль. – Б. З.)! Нет, никогда еще не выполнял ее так!.. Актер понял поэта... удивительно то, что вся пьеса идет прекрасно... все хороши, и в ходе пьесы удивительная общность, целостность, единство и жизнь... Какие надежды, какие богатые надежды сосредоточены на Гоголе! Его творческого пера достаточно для создания национального театра. Это доказывается необычайным успехом «Ревизора»! Какое глубокое, гениальное создание!»²⁴

Высоко ценя общественное значение «Ревизора», Белинский неоднократно обращался к комедии Гоголя в своих статьях и заметках. Эта пьеса давала возможность критику в его неустанной борьбе с крепостнической действительностью широко обсуждать различные проблемы русской жизни, русского театра и литературы. Он пристально следил и за ее сценическим истолкованием, предостерегая от упрощенного понимания образов комедии, от снижения ее сатирического пафоса. Выделяя среди других исполнителей М. С. Щепкина, Белинский подчеркивал, что успех его игры заключен в глубоком и правильном идейном толковании пьесы – «актер понял поэта».

В борьбе за «Ревизора» против реакционных кругов Белинский оказал громадную помощь Гоголю. П. В. Анненков вспоминает, что «Ревизор» Гоголя, «едва не согнанный со сцены стараниями «Библиотеки для чтения», которая, как говорили тогда, получила внушение извне преследовать комедию эту, как политическую... возвратился благодаря Белинскому на сцену уже с эпитетом «гениального произведения»... А затем, не останавливаясь перед осторожными замечаниями благоразумных людей, Белинский написал еще резкое возражение всем хулителям «Ревизора»... Это возражение носило просто заглавие: «От Белинского», и объявляло Гоголя безоглядно великим европейским художником, упрочивая окончательно его положение в русской литературе»²⁵.

Почти одновременно с премьерой в Москве были получены первые экземпляры только что вышедшего из печати «Ревизора». Они были буквально расхватаны. Проникая в более широкие круги московского общества, они обеспечили комедии Гоголя заслуженный успех и необычайную популярность в первые же дни. В уже упоминавшейся нами статье «Молва» писала: «Наконец показалось и в нашем добром городе Москве двадцать пять экземпляров желанного «Ревизора», и они расхватаны, перекуплены, перечитаны, зачитаны, выучены, превратились в пословицы и пошли гулять по людям, обернулись эпиграммами и начали клеймить тех, к кому придутся. Имена действующих лиц из «Ревизора» обратились на другой день в собственные названия: Хлестаковы, Анны Андреевны, Марьи Антоновны, Городничие, Земляники, Тяпкины-Ляпкины пошли под руку с Фамусовым, Молчалиным, Чацким, Простаковыми... Посмотрите: они, эти господа и госпожи, гуляют по Тверскому бульвару, в парке, по городу, и везде, везде, где есть десяток народу, между ними наверно один выходец из комедии Гоголя... Отчего ж это? Кто вдвинул это создание в жизнь действительную?... Это сделали два великие, два первые деятеля: талант автора и современность произведения... Напрасно Фаддей Венедиктович Булгарин и г. профессор Осип Иванович Сенковский, уцепляясь за «Ревизора» с первого явления, потащили его на плаху своих литературных суждений... «Ревизор» стал, встряхнулся и разбрелся... по всем закоулкам Москвы»²⁶.

Прием, оказанный «Ревизору» на петербургской премьере, а затем озлобленные выпады против комедии реакционной прессы тяжело действовали на душевное состояние Гоголя. Напрасны были дружеские приглашения москвичей: «... теперь не доставит мне Москва спокойствия, а я не хочу приехать в таком тревожном состоянии, в каком нахожусь ныне. Еду за границу, там размыкаю ту тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комический, писатель нравов должен подальше быть от своей родины», – пишет он о николаевской России²⁷. Он верит, что только отъезд, передвижение, дальние странствия вернут ему необходимое душевное равновесие. «Дорога, мое единственное лекарство», – говорил он обычно²⁸; «...дорога и путешествие действовали благотворнее всего»²⁹; «...как я ни хил и болезнен, но надеюсь на дорогу...»³⁰. Вспомним, наконец, его автобиографическую тираду в «Мертвых душах»: «Как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез, сколько переживалось дивных впечатлений!»³¹. «Отъезд мой уже решен, – пишет он Щепкину. – Знаю, то вы все приняли бы меня с любовью. Мое благодарное сердце чувствует это... Лучше я с гордостью понесу в душе своей эту просвещенную признательность старой столицы моей родины и сберегу ее, как святыню, чужой земле»³². И, с горечью покидая родную землю, любимые им беспредельные русские поля и нивы, он в ответ на дружеские увещевания москвичей поясняет им всю трагичность положения передового, прогрессивного писателя, художника-гражданина в условиях крепостнической монархии Николая I: «... Не сержусь, что сердятся и отворачиваются те, которые отыскивают в моих оригиналах свои собственные черты и бранят меня. Не сержусь, что бранят меня неприятели литературные, продажные таланты, но грустно мне это всеобщее невежество, движущее столицу... Грустно, когда видишь, в каком еще жалком состоянии находится у нас писатель... Я огорчен не нынешним ожесточением против моей пиесы; меня заботит моя печальная будущность... Сказать о плуте, что он плут, считается у них подрывом государственной машины... Москва больше расположена ко мне... Сердце мое в эту минуту наполнено благодарностью к ней за ее внимание ко мне»³³.

1836 год был роковым в жизни Гоголя. Неудача с профессорством надолго ранила его творческое самолюбие. Травля «Ревизора» болезненно переживалась им годами. Николаевский Петербург делается для него почти невыносимым. Начинается многолетняя скитальческая жизнь. По существу, с этой даты Гоголь уже никогда не имел своего угла, своего «дома». Он вечно странник, он вечно в дороге. Но внутренне он никогда расстается с вскормившей его дарование родиной. «Теперь передо мною чужбина, – обращается он из Женевы к Погодину 22 сентября 1836 года, – вокруг меня чужбина, но в сердце моем Русь, не гадкая Русь, но одна только прекрасна Русь»³⁴.

6

«Ни одной строки не мог посвятить я чуждому. Непреодолимою цепью прикован я к своему...» – писал Гоголь Погодину в 1837 году¹.

Перед его глазами все время стоит Россия, голодающее, нищее крестьянство в тьме «николаевской ночи», помещики – гуляки и скряги, праздные мечтатели и скопидомы, грубые стяжатели и сентиментальные фантазеры. Переезжая с места на место, проводя многие часы в дорожных каретах и дилижансах, Гоголь живет в напряженном труде над первым томом «Мертвых душ». «Я вижу только грозное и правдивое потомство, преследующее меня неотразимым вопросом: «Где же то дело, по которому бы можно было судить о тебе?» И

чтобы приготовить ответ ему, я готов осудить себя на все, на нищенскую и скитающуюся жизнь, на глубокое, «прерываемое уединение, которое отныне я ношу с собою везде...», – читаем мы в его письме Погодину от 28 ноября 1836 года². Почти одновременно он сообщает В. А. Жуковскому, что «Мертвые текут живо, свежее и бодрее... мне совершенно кажется, как будто я в России: передо мною все наши, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы...»³.

Но денежные неурядицы и долги готовы каждую минуту прервать его драгоценную работу: «...Писатели в наше время могут умирать с голоду», – горечью обращается он из Рима к В. А. Жуковскому в апреле 1837 года⁴. И здесь Москва приходит ему на помощь. «...Я, Погодин, Баратынский и Н. Ф. Павлов сложились по 250 р. и 1000 р. предложил сам, по сердцу весьма добрый человек, И. Е. Великопольский...» – вспоминает С. Т. Аксаков⁵. В письме же сыну Константину 12 июля 1838 года он прямо указывает, что идея денежной помощи москвичей Гоголю принадлежит И. Е. Великопольскому – «первая мысль его... а Хомяков и Мельгунов отказались под предлогом, что «это, может быть, неправда». Хомяков, который имеет 200 тысяч дохода!»⁶.

Александр Сергеевич Пушкин. Портрет работы В.А. Тропинина.

1837 год принес Гоголю, может быть, самую тяжелую утрату в его жизни. От смерти Пушкина он до конца своих дней не смог оправиться. «...По моему мнению, – отмечает С. Т. Аксаков, – он уже никогда не выздоравливал совершенно... смерть Пушкина была един-

ственной причиной всех болезненных явлений его духа...»⁷ «О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни, и как печально было мое пробуждение!» – взволнованно пишет Гоголь В. А. Жуковскому⁸. «Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою, – читаем мы в письме к их общему другу П. А. Плетневу, которому был посвящен «Евгений Онегин». – Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое, вот что меня только занимало и одушевляло мои силы... Нынешний труд мой («Мертвые души». – Б. 3.), внушенный им, его создание... Я не в силах продолжать его...»⁹. Нерадостны были дни Гоголя. Тяжелые потери близких, болезни, безденежье – вот его обстановка во время труда над «Мертвыми душами».

Лишь через четыре года Москва вновь увидела Гоголя: 26 сентября 1839 года он приехал вместе с Погодиным (они встретились в Вене) и остановился у него в доме. Известие о его возвращении быстро разнеслось по всей стране. «...Привез Гоголя. Спасибо великое тебе за это все говорят здесь», – писал Погодину М. А. Максимович из Киева. Калайдович писал из Петербурга: «Вы привезли с собою в подарок русской литературе беглеца Пасичника... Теперь только разговоров, что о Гоголе... Только и слышим, что цитаты из Вечеров на Хуторе, из Миргорода, из Арабесков... Петербург жалеет, что потерял одного из достойнейших литераторов...»¹⁰

Еще в начале 1836 года Погодин приобрел себе новое владение, ставшее в дальнейшем одной из достопримечательностей Москвы. По словам биографа Погодина, «в его доме, в известные дни, собирались все находившиеся на лицо в Москве представители русской науки и литературы в течение многих последовательных периодов их развития, от Карамзинского до Пушкинского и Гоголевского включительно, и до позднейших времен. Сменялись поколения и направления: он один не менялся, и был в постоянном дружеском общении с людьми всех возрастов и классов»¹¹. История Погодинского дома является значительным эпизодом истории литературной Москвы, ее литературных кружков и салонов. Здесь А. Н. Островский читал «Банкрута» (в дальнейшем переименованного в «Свои люди – сочтемся»), Л. А. Мей – «Слово о полку Игореве», М. Н. Загоскин – «Мирошева», А. Ф. Писемский – «Ипохондрика» и т. д. Здесь с рассказами выступали Горбунов, Садовский, Щепкин, играл Н. Рубинштейн, бывали Пушкин, Аксаковы, Хомяков, Тургенев, Тютчев, Л. Толстой. Последний запечатлел Погодинский дом на страницах «Войны и мира». Вспомним, что Пьера Безухова приводят на допрос в «большой белый дом с огромным садом. Это был дом князя Щербатова»¹². У него Погодиным и было приобретено это владение.

В одном из флигелей Погодин содержал свой пансион, где учился А. А. Фет.

Наконец, надо вспомнить погодинское древлехранилище, помещавшееся в основном доме. Это богатейшее собрание состояло из рукописей, старопечатных книг, древних грамот, автографов Кантемира, Ломоносова, Державина, Суворова, Румянцева и др. В нем же находились личные письма и бумаги Петра, старинное оружие, монеты, наконец ценнейшая коллекция народных лубков, куда входили листы еще первой половины XVIII века. Слава погодинского собрания была настолько велика, что знакомиться с ним приезжали западно-европейские ученые. В 1852 году Погодин продал свое древлехранилище государству.

Приехавший Гоголь поместился в одной из больших комнат мезонина главного дома¹⁰. Пять окон большой комнаты Гоголя выходили на улицу. Внизу помещался, занимая все про-

¹⁰ Благодаря любезности М. И. Погодина, внука историка, на месте показавшего нам расположение отдельных строений и зеленых насаждений, мы имеем возможность довольно детально представить себе, как оно выглядело в 1840-е годы. Оно занимало площадь нынешних территорий домов № 10 и № 12 по Погодинской улице. Почти все строения были расположены вдоль улицы на территории нынешнего дома № 12. Примерно в центре – ее находился деревянный, оштукатуренный погодинский дом, высокий каменный фундамент которого сохранился и поныне. Сам дом сгорел в 1941 году. Группа деревьев отделяла от его правого крыла флигель, в котором помещался пансион. Возле левого крыла, в котором

странство вдоль фасада, кабинет Погодина, состоявший из трех комнат, заставленных книжными шкафами, увешанный картинами и гравюрами, – место вечернего моциона Гоголя.

Сын Погодина оставил нам воспоминания об обычном распорядке гоголевского дня: «До обеда он никогда не сходил вниз в общие комнаты, обедал же всегда со всеми нами, причем был большею частью весел и шутлив... После обеда до семи часов вечера он уединялся к себе, и в это время к нему уже никто не ходил, а в семь часов, он спускался вниз, широко распахивал двери всей амфилады передних комнат, и начиналось хождение, а походить было где: дом был очень велик...»¹³. Надо полагать, что такое деление дня только на труд и отдых было типично для Гоголя и во время прочих его пребывания в Москве. Во всяком случае, оно вполне согласуется с характеристикой С. Т. Аксакова: «У Гоголя было два состояния: творчество и отдохновение»¹⁴.

М. С. Щепкин был одним из первых москвичей, увидавших Гоголя после долгой разлуки. Уже 28 сентября он восторженно пишет о приезде Гоголя С. Т. Аксакову, проводившему лето этого года в селе Аксиньине возле Химок: «...просидел целый вечер у них... такое волнение его приезд во мне произвел, что я нынешнюю ночь почти не спал»¹⁵.

По свидетельству сына Щепкина, Гоголь посетил своего друга на даче в Волынском, расположенном невдалеке от Кунцева, «...говорил, что думает пожить у него, отдохнуть и немного поработать, обещался кое-что прочесть из «Мертвых душ»... Но не успел Гоголь прожить трех дней, как поехал в гости к Михаилу Семеновичу Панаев... Гоголь за ужином объявил, что рано утром на другой день ему надо ехать в Москву по делам, и не состоялось чтение его новых произведений»¹⁶. Семья Аксаковых переехала в город 1 октября. На следующий день Гоголь посетил их вместе со Щепкиным. С данного приезда Гоголя в Москву завязываются его близкие отношения с семьей Аксаковых. Сергей Тимофеевич вспоминает: «Гоголь почувствовал, что мы точно его настоящие друзья... С этого собственно времени началась наша тесная дружба, развившаяся между нами»¹⁷.

В творческой судьбе С. Т. Аксакова встреча с Гоголем сыграла громадную роль. «Для Аксакова-отца сочинения Гоголя были новым словом, – пишет И. И. Панаев. – Они вывели его из рутины старой литературной школы»¹⁸. Под непосредственным влиянием своего великого собрата он из третьестепенного эпигона-классика 1810—1820-х годов стал книжником-реалистом, написал «Семейную хронику» и «Детские годы Багрова-внука», утвердившие его имя в русской литературе. К чести С. Т. Аксакова следует отметить, что он решительно восставал против мистических настроений, возникших у Гоголя в середине 1840-х годов. «Я боюсь, как огня, мистицизма; а мне кажется, он как-то проглядывает у вас... – писал он Гоголю 17 апреля 1844 года. – Вы ходите по лезвию ножа! Дрожу, чтоб не пострадал художник!»¹⁹ В 1846 году С. Т. Аксаков, обращаясь к П. А. Плетневу, горячо восстает против издания «Переписки с друзьями» и «Предупреждения» к пятому изданию «Ревизора»:

был вход в дом, находился цветник. За ним – второй флигель, который был жилым. По бокам от этих, ныне перестроенных флигелей можно видеть сохранившиеся, интересные по своей архитектуре, каменные кладовые XVIII века. Сохранилась также известная погодинская резная изба (дань славянофильству!), построенная архитектором Никитиным в 1850-х годах. От правой кладовой по направлению к Б. Саввинскому пер. стояло еще два здания: одно – жилое, второе – занятое лавкой, в которой слушатели пансиона покупали продукты. Вдоль Б. Саввинского пер. владение Погодина доходило до нынешнего дома № 8. Эта часть владения, примыкавшая к переулку, была занята двором и службами – сараями, конюшней, каретной и т. п. Пространство за главным домом украшала большая клумба; за которой был цветник, окруженный массой лип, тополей, лиственниц. Эти насаждения тянулись в направлении к нынешнему владению № 10. Сзади «избы» в окружении зелени находился большой пруд. Площадь нынешнего владения № 10 не была застроена. Вдоль улицы шла густая липовая аллея, сворачивающая у границы с владением № 8 в глубину. Она приводила к беседке, от которой очень широкая липовая же аллея вела к пруду. В этой аллее, шедшей вдоль фасада возведенного в 1900-х годах большого здания, и происходили известные именинные обеды Гоголя. Следует добавить, что левая – «нечетная» – сторона Погодинской улицы в эти годы не была застроена. Из окон гоголевского мезонина открывался широкий вид на Девичье поле. Громадное владение Погодина было в полном смысле этого слова загородной усадьбой.

«...Все это с начала до конца чушь, дичь и нелепость, и, если будет обнародовано, сделает Гоголя посмешищем всей России»²⁰. Ознакомившись с вышедшей книгой, он пишет самому Гоголю: «Вы грубо и жалко озлобились. Вы совершенно сбились, запутались... думая служить Небу и человечеству, оскорбляете и Бога, и человека. Если б эту книгу написал обыкновенный писатель – бог бы с ним! Но книга написана вами... поэтому книга ваша вредна... Горько убеждаюсь я, что никому не проходит безнаказанно бегство из отечества»²¹.

В трудные минуты скитальческой жизни Гоголя С. Т. Аксаков прежде многих и преданнее других спешил материально помочь Гоголю, подчас лишая денег семью. «Аксаковы нуждаются. Они даже на зиму переселились теперь в деревню по этой причине», – писал в 1845 году С. П. Шевырев Гоголю²². В семье Аксаковых существовал культ Гоголя, перед ним благоговели, окружали всевозможными знаками внимания, заботились о его комфорте вплоть до особого стакана на столе! Однако подлинной, глубокой близости между Гоголем и семьей Аксаковых не было.

В 1847 году Гоголь писал А. О. Смирновой: «...Я всегда, однако, держал себя вдали от них. Бывая у них, я почти никогда не говорил ничего о себе... Я видел с самого начала, что они способны залюбить не на живот, а на смерть... Словом, я бежал от их любви, ощущая в ней что-то приторное; я видел, что они способны смотреть распаленными глазами на предмет любви своей»²³.

Константин Сергеевич Аксаков

Дом Аксаковых с начала 1840-х годов становится одним из центров славянофилов. С. Т. Аксаков не принимал активного участия в возникшей идейной борьбе, но его сыновья Константин и позднее Иван были одними из лидеров этого реакционного течения. Теми же интересами жили и дочери С.Т. Аксакова. Все это создавало ряд преград в развитии отношений Гоголя с семьей Аксаковых. Эти отношения были в значительной мере подорваны также изданием К.С. Аксаковым брошюры «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души», в которой он пытался исказить обличительную сущность творчества Гоголя. «...Он опозорился в глазах света на мне», – писал в связи с этим Гоголь 22 декабря 1844 года²⁴. В конце жизни Гоголя его отношение к К.С. Аксакову нередко носит характер резко выраженной враждебности, в чем сам К.С. Аксаков признается в письме к брату Ивану: «Столкновения мои с Гоголем часто неприятны; в его словах звучит часто ко мне недоброжелательство и оскорбительный тон»²⁵. Но, отгораживаясь от сектантской узо-

сти и чуждых ему идейных взглядов К.С. Аксакова, Гоголь в лице его отца, С.Т. Аксакова, всегда ценил тонкого и наблюдательного художника-реалиста.

В 1839 году, как вспоминает И.И. Панаев, «Аксаковы жили... в большом отдельном деревянном доме на Смоленском рынке. Дом... был битком набит дворнею. Это была... патриархальная, широкая, помещичья жизнь, перенесенная в город... Дом Аксакова и снаружи и внутри по устройству и расположению совершенно походил на деревенские барские дома; при нем были обширный двор, людские, сад и даже баня в саду»²⁶¹¹.

По свидетельству С. Т. Аксакова, Гоголь в доме Требинова «бывал у нас почти каждый день и очень часто обедал»²⁷.

Во вторник 17 октября С. Т. Аксаков писал своим сыновьям: «В прошедшую субботу (то есть 14 октября. – Б. З.) Гоголь читал у нас начало комедии «Тяжба» и большую главу из романа (вероятно, «Мертвые души»). И то и другое – чудные создания!.. он так читает или, лучше, играет, как никто! Лучшие актеры, мне известные, перед ним – ученики в театральном искусстве»²⁸. К.С. Аксаков, сообщая своим братьям об этом же чтении, отмечал, что в числе собравшихся был «Панаев... Наконец приехал Гоголь, с ним Нащокин и М.С. (Щепкин)»²⁹.

И. И. Панаев в своих воспоминаниях описал оригинальность приемов гоголевского чтения. Очевидно, чтобы более сконцентрировать внимание слушателей, Гоголь, несмотря на данное обещание, долго отказывался, «...нехотя подошел к большому овальному столу перед диваном, сел на диван, бросил беглый взгляд на всех, опять начал уверять, что он не знает, что прочесть, что у него нет ничего обделанного и оконченного... и вдруг икнул раз, другой, третий... Дамы переглянулись между собою, мы не смели обнаружить при этом никакого движения и только смотрели на него в тупом недоумении.

– Что это у меня? точно отрыжка? – сказал Гоголь и остановился.

Хозяин и хозяйка дома даже несколько смутились... Им, вероятно, пришлось в голову, что обед их не понравился Гоголю...

Гоголь продолжал:

– Вчерашний обед засел в горле, эти грибки да ботвиньи! Ешь, ешь, просто черт знает, чего не ешь...

И заикался снова, вынув рукопись из заднего кармана и кладя ее перед собою... «Прочитать еще «Северную пчелу», что там такое?...» – говорил он, уже следя глазами свою рукопись.

Тут только мы догадались, что эта икота и эти слова были началом чтения драматического отрывка, напечатанного впоследствии под именем «Тяжбы». Лица всех озарились смехом... Щепкин заморгал глазами, полными слез...

...Восторг был всеобщий; он подействовал на автора.

– Теперь я вам прочту, – сказал он, – первую главу моих «Мертвых душ», хотя она еще не обделана.

¹¹ Все это владение давно перестроено. Оно находилось на месте нынешнего дома № 27 на Смоленской-Сенной площади и выглядело следующим образом. В центре стоял большой деревянный одноэтажный жилой с антресолями дом, несколько входов в который было со двора. На некотором отступе от правого крыла дома вправо стояла небольшая, также деревянная, жилая постройка. Площадь двора, уходя внутрь квартала, значительно выступала в обе стороны за счет соседних владений. Здесь стоял также большой жилой дом в два этажа, из которых нижний был каменный. Очевидно, в нем жил владелец Требинов. Возле стояло небольшое деревянное строение – «людская». Несколько построек хозяйственного типа (конюшни, сарай и т. п.) помещалось в разных местах двора. В глубине правой, выступающей вбок части владения стояла беседка. В 1842 году Комиссия для строений в Москве выдает разрешение на дополнительную постройку еще двух зданий (вдоль улицы), предназначенных для лавок, что в значительной мере меняет «патриархальный», «помещичий» характер застройки, отмеченный Панаевым (ГИНТА. План владения 1842 г.).

...Все были потрясены и удивлены. Гоголь открывал для своих слушателей тот мир, который всем нам так знаком и близок, но который до него никто не умел воспроизвести с такою беспощадною наблюдательностью...

После чтения Сергей Тимофеич Аксаков в волнении прохаживался по комнате, подходил к Гоголю, жал его руки и значительно поглядывал на всех нас... «Гениально, гениально!» – повторял он»³⁰. Вспоминая этот день, С. Т. Аксаков впоследствии писал: «Мы слышали первое чтение первой главы «Мертвых душ». Это был восторг упоения, полное счастье, которому завидовали все, кому не удалось быть у нас во время чтения; потому что Гоголь не вдруг стал читать у других своих знакомых»³¹.

Из других значительных событий этого пребывания Гоголя в Москве следует отметить посещение им спектакля «Ревизор», которого он еще не видел на московской сцене. Актеры мечтали показаться автору пьесы. По инициативе С. Т. Аксакова Загоскин назначил спектакль на день, выбранный самим Гоголем. Как явствует из письма С. Т. Аксакова сыновьям, это было 17 октября 1839 года³². Слух о предстоящем посещении автором спектакля быстро распространился по Москве, а потому, по свидетельству И. И. Панаева, «Большой московский театр, редко посещаемый публикою летом, был в этот раз полон. Все московские литературные и другие знаменитости были здесь в полном сборе»³³. На следующий день Н. П. Огарев писал А. И. Герцену: «Начну с «Ревизора». Вчера его давали... Барон¹² отхлопал себе ладоши, которые рдеют и покрываются пузырями... пьеса шла превосходно... Щепкин неподражаем и Орлов (играл Осипа. – Б. З.) также. Чем более вникаю в эту пьесу, тем более сглаживаются все неровности, которые воображались прежде, и каждое лицо является в удивительной истинности»³⁴.

По свидетельству С. Т. Аксакова, «пьеса шла отлично хорошо; публика принимала ее (может быть, в сотый раз) с восхищением»³⁵. «Все искали глазами автора, все спрашивали, где он? Но его не было видно. Только в конце второго действия его открыл Н. Ф. Павлов в углу бенеуара г-жи Чертковой. По окончании третьего акта раздались громкие крики: «Автора! автора!». «Громче всех кричал и хлопал К. Аксаков», – вспоминает И. И. Панаев³⁶. Однако Гоголь как мы уже отметили выше, не любивший никакого повышенного изъяснения чувств, не только не вышел на вызовы, но, прячась от публики, немедленно покинул театр. Мы не знаем в точности, каково было впечатление Гоголя от московской постановки, но можно с уверенностью сказать, „что в ней его многое не удовлетворило, так как через несколько лет он вернулся к мысли о необходимости личным чтением показать актерам, как должен ими играть «Ревизор».

Неожиданный отъезд Гоголя из театра породил немало толков в Москве. Присутствовавшим не было понятно такое отношение к вызовам. А между тем Гоголь не мог не сетовать на публику, которая овациями и вызовами отвлекала его от действительно нужного дела – углубленно и требовательно суровыми глазами постановщика увидеть спектакль; понять сценические возможности исполнителей с тем, чтобы рядом творческих указаний помочь актерам наиболее типически и действенно раскрыть содержание пьесы. Т. Н. Грановский писал Н. В. Станкевичу: «...сочинитель уехал, не желая тешить зрителей появлением своей особы. За это его ужасно поносили. Мне стало досадно: как будто человек обязан отдавать себя на волю публики, да еще какой!»³⁷.

Вечер после спектакля Гоголь провел у Чертковых, с которыми он познакомился во время заграничной поездки и поддерживал отношения в последующие годы. Их дом был

¹² «Бароном» в кружке А. И. Герцена называли Н. Х. Кетчера.

одним из культурных очагов в Москве¹³. А. Д. Чертков был крупным библиофилом, археологом и нумизматом. С 1848 года он возглавлял Общество истории и древностей российских. На основе его книжного и рукописного собрания возник журнал исторических материалов «Русский архив». Чертковской библиотекой пользовался Л. Н. Толстой при работе над «Войной и миром». Ныне она вошла в фонды Государственной исторической библиотеки. У Е. Г. Чертовой часто собирались московские ученые и писатели. С. М. Загоскин (сын писателя) в своих воспоминаниях указывает, что она особенно была дружна с Гоголем³⁸. Дочь Чертовых рассказывает, что он нередко читал у них свои произведения, в том числе «Тяжбу»: «... Превосходно он читал; выводимые им лица говорили словно живые, и он лицедействовал, как чудесный актер на сцене»³⁹.

В этот же приезд Гоголь общается с находившимся в Москве проездом молодым филологом И. И. Срезневским, в дальнейшем создавшим ряд ценных работ по славянской литературе, мифологии и лингвистике, встреча их могла произойти или у Погодина или у Чертовых, где Срезневский неоднократно бывал. В письме к матери от 7 октября 1839 года он сообщает, что «...сегодня вечером они (Гоголь и Погодин. – Б. З.) заедут ко мне»⁴⁰, а в письме от 15 октября рассказывает, что он вручил Щепкину текст одной из излюбленных великим актером пьес: «Я передал ему Москаля Чаривника: он издаст его как 2-ю книжку Украин. сборника, и Гоголь будет держать корректуру, а издавши, поставит на Моск. театре... просидел у меня с Гоголем целый вечер, и мы говорили все о Малороссии... читали кое-что из Баллад Украинских и Думок и Песен»⁴¹. Остановившись по приезде в Москву в гостинице «Лейпциг» (Кузнецкий мост, № 7; дом не сохранился), Срезневский почти на следующий день поселился на Большой Дмитровке, в Мальцовой гостинице, близ Театральной площади⁴². Гостиница эта называлась «Москва» и помещалась на месте нынешнего дома № 2 по улице Пушкина.

¹³ Дом Чертовых значительно переделан (улица Кирова, № 7). Его декоративное оформление при позднейших владельцах подверглось большим изменениям. В описываемое нами время владение Чертовых занимало площадь от Фуркасовского переулка до нынешней улицы Мархлевского. Вдоль улицы шло несколько отдельных строений в один и два этажа. На месте позднейшей торговой постройки, занятой ныне магазинами, находился широкий открытый двор, в глубине которого стоял основной дом весьма строгой и простой архитектуры, в два этажа, из которых нижний был рустован.

В это же время Гоголь познакомился и общается с И. Е. Великопольским⁴³, который, как мы уже говорили выше, принял горячее участие в его заграничных денежных затруднениях. В трудные минуты он неоднократно помогал и В. Г. Белинскому. Имя Великопольского как литератора (он писал под псевдонимом Ивельев) ныне забыто. В 1820-х годах он встречался с А. С. Пушкиным; сохранилось несколько иронических стихов поэта, адресованных Великопольскому. В особо дружеских отношениях он был с С. Т. Аксаковым; к Гоголю «относился с каким-то обожанием»⁴⁴. Великопольский был женат на дочери известного московского врача М. Я. Мудрова, за которой получил в приданое довольно большое владение на Нижнем Пресненском пруду (ныне засыпан) с большим садом, оранжереями и хозяйственными постройками. Великопольский любил устраивать широкие приемы и празднества. И. И. Панаев, посетив одно из них вместе с Белинским и К. С. Аксаковым, вспоминает, как «к изумлению нашему часть Пресненских прудов была иллюминирована, и импровизировалось народное гулянье»⁴⁵. Дом Великопольского сохранился; надстроено лишь боковое крыло (Дружинниковская улица, № 11).

Еще во время пребывания в Риме Гоголь сближается с С.П. Шевыревым, с 1837 года занявшим должность профессора русской словесности при Московском университете. С. П. Шевырев был ближайшим другом Погодина и ряд лет его основным помощником по изданию журнала «Москвитянин», где выступал как апологет официальной николаевской идеологии. Шевырев был жестоко заклеямен Белинским в памфлете «Педант» (1842 г.). Но свойственные Шевыреву пунктуальность и исполнительность в деловых поручениях содействовали укреплению его отношений с Гоголем. В дальнейшем он помогал ему по изданию сочинений в Москве и выполнял ряд финансовых поручений. По свидетельству сына

Погодина, в данное, сравнительно краткое пребывание в Москве Гоголь у Шевырева бывал весьма редко. Жил С.П. Шевырев в собственном доме (Дегтярный переулок, № 4), который хотя и сохранился, но совершенно потерял свой декоративный облик. Его деревянные стены в конце XIX века были обложены изразцами, и были изменены проемы окон. Сады, облежавшие дом по бокам и придававшие постройке особое своеобразие, ныне не существуют.

В этот приезд Гоголь не предполагал долго пробыть в Москве: «...ему надобно, – писал С. Т. Аксаков, – скоро ехать в Петербург, чтобы взять сестер своих из Патриотического института, где они воспитывались на казенном содержании». С. Т. Аксаков, также собираясь в Петербург, чтобы отвезти своего младшего сына Михаила для поступления в Пажеский корпус, «предложил Гоголю ехать вместе, и он очень был тому рад»⁴⁶. Путники выехали 26 октября. Таким образом, в этот раз Гоголь прожил в Москве ровно месяц.

7

Обстоятельства все время задерживали С. Т. Аксакова в Петербурге. Совместный отъезд его и Гоголя не раз откладывался. Как явствует из письма Е. В. Гоголь к матери, они приехали в Москву 21 декабря 1839 года¹. «... Мы приехали вечером прямо к Аксаковым, и это семейство нас приняло очень радушно... – вспоминает сестра писателя. – В Москве мы остановились у профессора Погодина, приятеля брата... Брат занимал у Погодиных комнату на хорах, а против него такую же большую занимали мы с Аннет». Весьма важно ее сообщение о тех дружеских домах, в которых в это время часто бывал Гоголь. «Три раза в неделю мы бывали у Аксаковых и все больше сближались с этим милым семейством... Брат часто возил нас на литературные вечера к Хомяковым, Свербеевым, Елагиным, Киреевским и др.»².

А. С. Хомяков, поэт и философ, ставший в дальнейшем одним из наиболее видных идеологов славянофильства, был горячим поклонником дарования Гоголя. Мемуары современников отмечают его дом как один из тех центров литературной и художественной Москвы, где Гоголь проводил многие вечера. В 1839 году А. С. Хомяков еще жил в доме отца (Петровка, № 3). Дом этот сохранился лишь частично в правой своей части; левая капитально перестроена. Отметим, что здесь же, у Хомякова, 24 октября 1826 года было торжественно отпраздновано с участием Пушкина, Мицкевича, Баратынского, Веневитинова и других основание журнала «Московский вестник».

Д. Н. Свербеев вошел в историю литературной Москвы своим много лет существовавшим салоном. Писатели, почти не имевшие возможности печататься, лишенные свободного обмена мыслями через журналы и книги, искали творческого общения в литературных салонах и кружках. 30-е и 40-е годы явились временем их наибольшей популярности и развития. И вечера Свербеева, подобно вечерам Елагиной, привлекали к себе представителей различных группировок и поколений: А. Тургенева и Чаадаева, Пушкина и Гоголя, Герцена и Грановского, Аксаковых и Языкова. В 1839 году Свербеев жил на Страстном бульваре, в доме № 6¹⁴.

¹⁴ Дом этот сохранился, но в настоящее время надстроен тремя этажами. В 1839 году лишь его центральная часть была двухэтажной. Над тремя средними окнами выступал балкон второго этажа. Правая и левая стороны постройки были в один этаж, который завершался террасами, увенчанными аркадами, держащими крышу. Террасы были заменены надстройкой второго этажа лишь в 1857 году (материалы ГИИТА). Ранее данное владение принадлежало отставному суворовскому полковнику И. И. Бенкендорфу, родственнику известного главы III отделения. У него бывали Веневитиновы, Карамзин, Херасков. С его семьей был весьма близок И.А. Крылов. Вспомним, что первые написанные им басни «Дуб и Трость» и «Разборчивая невеста» были опубликованы в «Московском зрителе» (1806 г.) с посвящением С. И. Бенкендорфу. Существует предположение, что Крылов не только бывал здесь у Бенкендорфов, но, сильно нуждаясь в те годы, даже жил. Следует также отметить, что в 1813 году, после пожара Москвы, в этом доме помещался Английский клуб.

О литературных собраниях у А.П. Елагиной мы уже говорили выше. Но этой зимой она жила не в своем доме в Хоромном тупике, а вместе с сыном от первого брака П.В. Киреевским. Последний в 1838 году отвозил за границу для лечения своего друга – больного поэта Н.М. Языкова и, вернувшись весной 1839 года, жил первоначально в доме Савич у Арбатских ворот. Дом этот не сохранился; он помещался на территории недавно разбитого сквера впереди нынешней станции метро. Затем Киреевский приобретает себе дом на Остоженке (Метростроевская, № 19)¹⁵. Возможно, что встречи его с Гоголем происходили и здесь. В «Воспоминаниях» Ф.И. Буслаева имеется весьма красочное описание как самого владения, так и той обстановки, в которой жил П. В. Киреевский. «Дом был каменный, двухэтажный, старинный, с железной наружной дверью и с железными решетками у окон нижнего этажа, как есть крепость... он стоял в тенистом саду, запущенном, без дорожек. На улицу выходила эта усадьба только сплошным забором с воротами... Петр Васильевич занимал верхний этаж... Мебели всего было – ветхий диван у глухой стены, придвинутый к окну, а против него у другого окна большая деревянная коробья, запертая висячим замком... Меня очень интересовала эта бабья коробья под замком... «Так я вам не говорил? – сказал он в ответ: – а здесь хранятся народные песни, былины и духовные стихи, которые много лет я собирал повсюду, где случалось бывать... Вот эту пачку дал мне сам Пушкин и при этом сказал: «Когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам»³.

¹⁵ Дом, принадлежавший П. В. Киреевскому, сохранился. Пройти к нему можно через территорию дома № 6 по 3-му Зачатьевскому переулку, так как площадь громадного сада, некогда расположенного между самим домом и Остоженкой, занята ныне сплошной постройкой многоэтажного здания поликлиники.

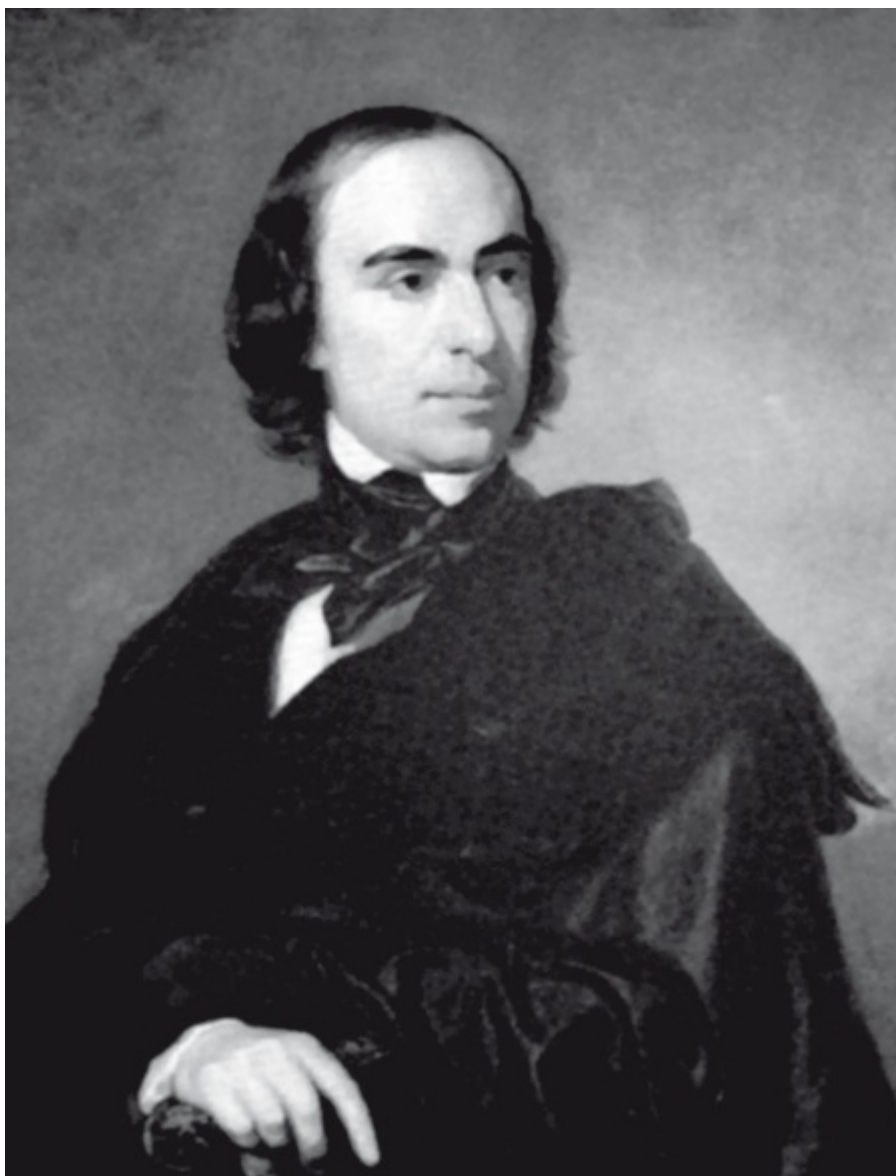
Николай Михайлович Языков

О посещении А.П. Елагиной в доме Савич Гоголь упоминает сам. В письме к сестре из Вены от 7 августа 1840 года он называет адресом Елагиной именно этот дом⁴. О том же свидетельствует и его шутивное письмо от 26 июня к Авдотье Петровне, очевидно, в последние дни пребывания Гоголя в Москве временно выехавшей за город. «Каждый день я наведывался к Арба(тским) воротам, к дому, внизу которого живет башмачник, носящий такую грациозную фамилию, не приехали ли вы и когда вы будете в город, и всякий раз слуга, выходявший отворять мне дверь, встречал меня тем же ответом... Этот слуга и сертук его выучены мною наизусть, так что я знаю даже, где пятно на нем и которой пуговицы не достаёт»⁵. Остается невыясненным, почему А. П. Елагина, имевшая в Москве собственный дом, жила эту зиму на наемной квартире.

В августе 1839-года в Москву приезжал В. А. Жуковский для участия в торжественном открытии памятного монумента на Бородинском поле. Гоголь часто встречался с ним и, как свидетельствует К. С. Аксаков, «читал Жуковскому у Елагиных»⁶. В № 68 от 26 августа, «Московских ведомостей» Жуковский помечен остановившимся в городской части. В ее территорию входил и Кремль, где Жуковскому, как лицу близкому к императорскому двору, могла быть предоставлена квартира, на которой, вероятно, бывал у него Гоголь.

Надо полагать, что в этот приезд бывал Гоголь и у Н. Ф. Павлова, принявшего участие в 1837 году в складчине москвичей-писателей, чтобы выручить Гоголя из тяжелого безденежья за границей. Дом Павлова, получившего известность своей книгой «Три повести», и его жены, поэтессы Каролины Павловой, был также одним из центров литературной жизни Москвы тех лет. Их «четверги» обычно собирали многочисленных посетителей. В оживленных творческих спорах здесь просиживали до глубокой ночи Герцен, Грановский, Чаадаев и их противники К. Аксаков, Киреевские, Хомяков, Шевырев. Здесь прощался с литературной Москвой, уезжая во вторичную ссылку весной 1840 года, М. Ю. Лермонтов. Павловы жили на Рождественском бульваре, в доме № 14, который в начале 1870-х годов подвергся значительной перестройке.

И. И. Панаев, вспоминая о своем пребывании в Москве в 1839 году, говорит, что «...у постели тогда больного Н. А. Мельгунова... довольно часто собирались по вечерам: Шевырев, Хомяков, Павлов, Константин Аксаков и другие»⁷, – то есть круг московских литераторов, наиболее связанный с Гоголем. Н. А. Мельгунов, автор ныне забытых рассказов и крупный музыкальный критик, приятель М. И. Глинки, был в дружеских отношениях со многими писателями. Его литературные вечера собирали много участников⁸. Знакомство его с Гоголем было довольно близким. Еще до возвращения Гоголя в Москву – осенью 1839 года – В.Ф. Одоевский и А.А. Краевский пытаются через Мельгунова привлечь Гоголя к сотрудничеству в петербургских «Отечественных записках»⁹. Мельгунов был в числе приглашаемых на известные именинные обеды Гоголя. Естественно предположить, что и Гоголь посещал вечера Мельгунова. Последний в эти годы жил в доме Загоскина (однофамилец писателя) на Зубовском бульваре (дом не сохранился; владение Загоскина занимало часть нынешнего дома № 31–33).

Тимофей Николаевич Грановский

Здание Московского благородного университетского пансиона, где жил Т.Н. Грановский (Тверская улица, 7). Акварель Б.С. Земенкова

В этот же приезд Гоголь знакомится с Т.Н. Грановским, который в начале 1840 года писал Н. В. Станкевичу: «Гоголь здесь давно: я его вижу раза два в неделю: он был у меня...»¹⁰. В это время Грановский жил на казенной квартире в доме Московского университетского благородного пансиона. Это колоссальное по пространству здание, состоявшее из ряда архитектурно увязанных между собою отдельных построек, находилось на нынешней улице Горького, на месте дома № 7. Сломано оно было лишь в 1913–1914 годах. Однако империалистическая война, а затем революция задержали постройку на этом месте уже возводимого доходного дома. В 1927 году здесь было воздвигнуто здание Центрального телеграфа.

Очевидно, к этому же времени относится знакомство Гоголя с композитором А. Н. Верстовским, с 1824 года занимавшим должность инспектора репертуара московских театров. Об их последующем сближении свидетельствует письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от 6 февраля 1843 года, в котором говорится, что «Верстовский... вас обнимает»¹¹. В недавно обнаруженном дневнике литератора Н. А. Маркевича имеется следующая любопытная запись: «(Москва) Генварь 1840, 23. Знакомство с Верстовским... Разговор с Гоголем... Собирались с Верстовским писать оперу «Страшная месть». 24... Толкование о будущей опере: «Страшная месть»... Я пишу либретто, Верстовский – партитуру»¹². Замысел Верстовского остался неосуществленным, но он интересен как первая попытка оперного освоения произведений Гоголя, сопровождавшаяся, надо полагать, консультацией самого писателя. Верстовский в эти годы жил в Староконюшенном переулке, в доме № 24 (дом не сохранился). В № 1 «Отечественных записок» за 1840 год была напечатана большая статья переехавшего в Петербург Белинского – «Горе от ума», в которой значительное место было уделено разбору «Ревизора». В ней великий критик подробно анализирует образы комедии, указывает, что ее геро-

ями являются живые люди, «выхваченные» из окружающей действительности. Белинский считал, что Гоголь, своей комедией изображая отрицательные стороны этой действительности и вынося ей суровый приговор, выводил русскую драматургию на путь социальной тематики.

Внимательно следивший за творческим развитием Гоголя Белинский с живым интересом ждет известий из Москвы о том впечатлении, какое произведет его статья на Гоголя. 10 января он обращается к К. Аксакову: «...уведомь меня тотчас же, какое произведет впечатление статья о «Горе от ума» на Гоголя... во всяком случае не церемонься: надо все знать... Поклонись от меня Гоголю и скажи ему, что я так люблю его, и как поэта, и как человека»¹³. 14 марта, узнав об одобрительном отзыве Гоголя, он радостно пишет В. П. Боткину: «Гоголь доволен моею статьею о «Ревизоре», говорит, многое подмечено верно. Это меня обрадовало»¹⁴. Статья Белинского о «Горе от ума» оказала большое влияние на Гоголя. Ряд положительных критика был им использован при защите своей комедии; в частности, известное утверждение Гоголя о том, что честным лицом в комедии является «смех», было уже развито в этой статье Белинским.

В начале 1840 года у Гоголя бывает приятель Белинского, художник К. А. Горбунов. «Я очень рад за Кирюшу, что он так хорошо познакомился с Гоголем», – писал Белинский В. П. Боткину в феврале 1840 года¹⁵. Академик портретной живописи (с 1851 г.), К. А. Горбунов был сыном дворового; лишь в 1841 году он получил, освобождение от крепостной зависимости. Герцен, Анненков, Боткин высоко ценили его дарование портретиста. Горбунов оставил целую галерею портретов писателей своей эпохи: Герцена, Грановского, Кольцова, Тургенева и др. В 1840-х годах им был выполнен и литографированный портрет Гоголя.

В письме Плетневу из Вены от 25 июня 1840 года Гоголь указывает на свои встречи в это московское пребывание с П. А. Вяземским и Ал. И. Тургеневым¹⁶. Судя по переписке Тургенева с Вяземским, последний мог приехать в Москву лишь в конце марта – начале апреля 1840 года. Вяземский еще с середины 1820-х годов имел собственный дом в Чернышевском переулке (ныне улица Станкевича, № 9). Сохранился боковой флигель, в котором Вяземский останавливался, так как основной дом он обычно сдавал. За Вяземским это владение числится до 1849 года¹⁷. Очевидно, здесь и мог бывать у него Гоголь. Отметим, что тут же в 1826 году Пушкин дважды читал «Бориса Годунова», а в 1830 году жил; бывали у Вяземского Баратынский, Грибоедов, Денис Давыдов, Дмитриев. Дом Вяземского – один из интереснейших памятников литературной Москвы.

С А. И. Тургеневым Гоголь мог встречаться у Свербеевых, где тот бывал очень часто, или же навещал его дома. Приезжая в Москву, Тургенев обычно жил у своей двоюродной сестры А. И. Нефедьевой, занимая мезонин в ее небольшом доме в Большом Власьевском переулке (№ 11). Его небольшое и тесное помещение было загромождено книгами и без числа портфелями с рукописями. Восстание декабристов сломало служебную карьеру Тургенева. Брат его Николай был деятельнейшим членом Северного общества, председательствовал на тайном московском съезде 1821 года и верховным уголовным судом был заочно приговорен к смертной казни. Оказавшись в момент восстания за границей, Николай Тургенев пробыл в изгнании тридцать лет и только после смерти Николая I смог посетить родину. Александр Тургенев был вынужден оставить государственную службу. Выйдя в отставку, он с увлечением работает в архивах, отыскивая различные документы, представляющие интерес для русской истории, заполняя копиями – списками с них – свои портфели.

Встречаясь в различных домах с П. Я. Чаадаевым, Гоголь однажды посетил и его. Д. Н. Свербеев рассказывает: «Я помню, как... ленивый и необщительный Гоголь, еще до появления своих «Мертвых душ», приехал в одну среду вечером к Чаадаеву. Долго на это он не решался, сколько ни упрашивали общие приятели... наконец он приехал и, почти не обра-

щая никакого внимания на хозяина и гостей, уселся в углу на покойное кресло, закрыл глаза, начал дремать... Долго не мог забыть Чаадаев такого оригинального посещения»¹⁸. В данном случае Свербеев и другие «упрашивающие» только проявляли свою нечуткость, насилуя Гоголя, не любившего бывать в среде не близких ему людей. Эта черта гоголевского характера отмечена в воспоминаниях В.А. Нащокиной: «Гоголь сразу съеживался, стушевывался, забивался в угол, как только появлялся кто-нибудь посторонний»¹⁹. Дом, где жил Чаадаев, не сохранился (Новая Басманная ул., № 20).

В марте 1840 года в Москву для свидания с сыном приехала мать Гоголя с дочерью Ольгой. Они остановились также у Погодина. Оставаясь одна, девочка часто играла на рояле. Сам любя музыку, Гоголь решил дать сестре музыкальное образование, но препятствовало местожительство Погодина: едва ли бы преподаватель согласился ездить сюда через всю Москву. Впоследствии Ольга Васильевна вспоминала, что брат возил ее «каждый день к Нащокиным, туда приходил учитель. Потом сказал мне: «Поживи у Нащокина, потому что мне некогда каждый день возить тебя». Пришлось оставаться...»²⁰ В. С. Аксакова тогда же писала братьям, что приятель Белинского «Лангер будет давать уроки»²¹. Но по неизвестным нам мотивам этот популярный московский композитор от уроков уклонился. В: А. Нащокина, на чьей квартире проходили музыкальные занятия сестры Гоголя, пишет: «...мы пригласили... знаменитого тогда Гурилева»²². Нередко приезжал и сам Гоголь. Зная его страстную любовь к песне, едва ли мы ошибемся, предположив его встречи с А.Л. Гурилевым. Композитор жил в те годы на Трубяной улице в доме Турунова (ныне Неглинный проезд, № 18; дом перестроен).

Нередко в эти дни Гоголь читал свои произведения у знакомых, вызывая неизменный восторг слушателей. 5 февраля С.Т. Аксаков писал сыновьям: «Вчера вечером... Гоголь... прочел первую главу из итальянской повести... Прелесть, очарование!»²³ Он же вспоминает, что «6-го мая Гоголь прочел нам уже 4-ю главу «Мертвых душ»²⁴.

Федор Антонович Моллер. Автор одного из лучших портретов Н.В. Гоголя

20 февраля Т.Н. Грановский сообщал Н.В. Станкевичу: «Вчера была среда и чтение у Киреевских... главное украшение вечера был отрывок романа, еще не конченного, читанный Гоголем. Чудо. Действие происходит в Риме. Это одно из лучших произведений Гоголя»²⁵. А весной он же рассказывает Я.М. Неверову о «Мертвых душах»: «Я слышал чтение нескольких глав – чудо! Так же при мне читал он первую главу романа, взятого из итальянской жизни, – Аннунчиата. Талант его еще выше стал...»²⁶ О чтении у И.В. Киреевского вспоминает и С.Т. Аксаков, указывая в то же время, что сатирическое дарование Гоголя встречало нередко и полное неприятие: «... Были люди, которые возненавидели Гоголя после самого появления «Ревизора». «Мертвые души» только усилили эту ненависть. Так, например, я сам слышал, как известный граф Толстой Американец (выведенный в «Горе от ума» и отмеченный эпиграммами Пушкина. – Б.З.) говорил при многочисленном собрании в доме Перфильевых, которые были горячими поклонниками Гоголя, что он «враг России и его следует в кандалах отправить в Сибирь». В Петербурге было гора и более таких особ, которые разделяли мнение графа Толстого»²⁷. Генерал С.В. Перфильев был довольно близко знаком со многими московскими литераторами. Мемуары современников вспоминают С. В. Перфильева как участника гоголевских именинных обедов, на которые писатель приглашал лиц, коротко

ему знакомых. В том, что Гоголь бывал у Перфильевых запросто, убеждает нас также его записка Погодину от второй половины апреля 1842 года: «Перфильев просит тебя сегодня в три часа обедать. Я бы и сам поехал, но, кажется, мои ноги не пустят. Так распухли и разболелись»²⁸. Перфильевы жили в 1839 году в Богословском переулке, дом не известен; с 1842 года – в Калашном переулке, № 3 (дом не сохранился).

Рассказывая с данным пребывании Гоголя в Москве, С.Т. Аксаков указывает, что он «... много работал; но сам он ничего о том не говорил. Он приходил к нам отдыхать от своих творческих трудов»²⁹.

Исследователи творчества Гоголя считают, что здесь, в Москве, в начале 1840 года были отделаны «Тяжба» и «Лакейская». Безусловно, шла работа и над «Мертвыми душами». В их тексте можно проследить ряд московских впечатлений. Биограф Гоголя В.И. Шенрок пишет: «Примеров же ясных указаний на известную местность, производшую впечатление на Гоголя, или на событие можно привести довольно много»³⁰. Иногда изменялся даже готовый текст поэмы. Так, например, в шестой главе первоначально неясное и расплывчатое описание деревни Плюшкина в последующей редакции уже исходит из конкретной московской местности, что особенно любопытно, соседствующей с домом, где в то время жил С.Т. Аксаков: «Заглянул бы кто-нибудь на рабочий двор, где под крышами, сараями лежали целые сотни поделанных на запас колес, бочек, ведер, которые никогда еще не употреблялись, – ему бы показалось, что пришел в ту широкую часть Москвы, где в воскресный день, начиная от Плющихи до Смоленского рынка, все занято торгом деревянной посудой, навезенной мужиками окрестных деревень, где крашеное и некрашеное дерево темнеет и желтеет вплоть до самого Дорогомиловского моста». В окончательной (печатной) редакции мы находим уже новую картину: место действия переносится в Москву же, но на щепной двор. Очевидно, Гоголь искал подходящей иллюстрации своему описанию в форме сравнения и именно с этой целью делал наблюдения в разных пунктах Москвы, меняя, может быть, не раз составленный план и уже готовый текст задуманного описания³¹.

В.В. Каллаш полагает, что живописные вывески, так красочно описанные Гоголем в первой главе поэмы и которые как бы характеризуют город N, где разворачиваются события первого тома «Мертвых душ», имеют безусловно в основе московские оригиналы. Он считает, что эти строки гоголевской поэмы есть результат живых наблюдений, в доказательство чего приводит документальное описание московских вывесок в «Молве». Действительно, и тематика и изображения вывесок здесь настолько родственны, что трудно не согласиться с тем, что Гоголь описывал лично им подмеченное и отобранное как своеобразную и типичную деталь³².

«Далее, в одиннадцатой главе первого тома, автор говорит о том, что, наконец, после долгих приготовлений, «представилось Чичикову поле гораздо пространнее: образовалась комиссия для построения какого-то казенного, весьма капитального строения». В первоначальных редакциях находится более прямое указание на то, какую именно комиссию разумел здесь Гоголь: это была именно комиссия при построении храма Спасителя в Москве («Составилась комиссия постройки храма Божия»). «Комиссия, – говорится в первоначальной полной редакции, – как водится, подвизаясь с ревностью и усердием, приступила к делу. Но климат что ли мешал или огромность храма была причиною, только целые четыре года равняли они место для фундамента, и все еще ни один кирпич не был выведен; но зато явление случилось другого рода: фундамента не выводили, а в других частях города очутилось у каждого члена комиссии по каменному дому в три этажа весьма недурной гражданской архитектуры»³³. Как видим, эта редакция, измененная впоследствии, очевидно, по цензурным обстоятельствам, почти в точности передает существо негласного процесса комиссии по сооружению храма – памятника Отечественной войне 1812 года на Воробьевых горах,

от которого так жестоко пострадал совершенно невиновный архитектор А. Л. Витберг³⁴. Многогранно и разносторонне вплетает Гоголь московский материал – события, типичные детали, жанровые сцены – в прихотливую ткань своей поэмы.

Уже с конца марта 1840 года он начинает готовиться к новому отъезду за границу. Стесненный в средствах, он в прибавлениях к № 28 «Московских ведомостей» помещает публикацию о желании найти себе спутника. Объявление это было повторено в № 29 и № 31. Небезынтересен черновой текст этого объявления: «Некто, не имеющий собственного экипажа, желает прокатиться до Вены с кем-нибудь, имеющим собственный экипаж, на половинных издержках. Он – человек смирный и незаносчивый: не будет делать во всю дорогу никаких запросов своему попутчику и будет спать вплоть от Москвы до Вены. Спросить на Девичьем поле, в доме Погодина, Николая Васильев[ича] Гоголя»³⁵. Однако шуточный тон этого объявления оказался неприемлемым для цензуры. В. С. Аксакова писала братьям 16 апреля 1840 года: «Гоголь ищет попутчика и объявлял в газетах о том, только не тем смешным объявлением... вообразите, что этого не пропустили»³⁶. Гоголь был вынужден сохранить в тексте объявления лишь сугубо деловую часть.

Прошло полторы недели. На публикацию никто не откликнулся. 17 апреля Гоголь читал у С. Т. Аксакова «6-ю главу, в которой создание Плюшкина» привело всех «в великий восторг»³⁷. В числе присутствовавших был В. А. Панов, входивший в кружок славянофилов и бывший впоследствии редактором славянофильского «Московского сборника». «Панов пришел в упоение и тут же решился пожертвовать всеми своими расчетами и ехать вместе с Гоголем»³⁸. Следует отметить, что этот спутник оказался весьма полезным для болезненного Гоголя. Ф. И. Буслаев, встретивший их в Италии, вспоминает, что Панов «вполне предался неустанным попечениям о Гоголе, «был для него и радушным, щедрым хозяином, и заботливою нянькою, когда ему нездоровилось, и домашним секретарем, когда нужно было что переписать...»³⁹.

Начинаются последние сборы. 27 апреля мать писателя уезжает в Васильевку с дочерьми Анной и Ольгой. Елизавету, свою любимицу, Гоголь решает оставить в Москве. После долгих хлопот ему удается поместить ее у П. И. Раевской. 10 мая состоялся ее переезд от Погодиных. Адрес Раевской установить не удалось.

9 мая 1840 года состоялась последняя широкая встреча Гоголя с москвичами. Это был его первый именинный обед, положивший основу своеобразной литературной традиции погодинского дома. Даже после смерти Гоголя была сделана попытка продолжить эти обеды, но уже в связи со Щепкиным. Гоголь придавал большое значение этому дню встречи со своими московскими друзьями. Сын Погодина вспоминает: «Злоба дня, весь внешний успех пиршества, сосредотачивался на погоде. Дело в том, что обед устраивался в саду, в нашей знаменитой липовой аллее. Пойдет дождь, и все расстроится. Еще дня за два до Николая Васильевича всегда был очень возбужден... Сад был у нас громадный, на 10 000 квадратных сажен, и весной сюда постоянно прилетал соловей... пел он большею частью рано утром или поздно вечером... у меня постоянно водились добрые соловьи. В данном случае я пускался на хитрость: над обоими концами стола, ловко укрыв ветвями, вешал по клетке с соловьем. Под стук тарелок, лязг ножей и громкие разговоры мои птицы оживали... Гости восхищались: «Экая благодать у тебя, Михаил Петрович, умирать не надо. Запах лип, соловьи, вода в виду...»... Н. В. был посвящен в мою соловьиную тайну... но никому, даже отцу, не выдавал меня. Кто были гости Гоголя? Всех я не могу припомнить, но в памяти у меня сохранились следующие лица: Нащокин, когда был в Москве, Н. А. Мельгунов, Н. Ф. Павлов, Михаил Семенович Щепкин, Пров Михайлович Садовский, Васильев, С. П. Шевырев, Вельтман, Н. В. Берг, известный остряк Юрий Никитович Бартенев, знаменитый гравер Иордан, актеры Ленский и Живокини, С. Т. Аксаков, К. С. Аксаков и много других, которых

я уже и не запомнил. Обед кончался очень поздно... Общество в день именин расходилось часов в одиннадцать вечера, и Н. В. успокаивался, сознавая, что он рассчитался со своими знакомыми на целый год...»⁴⁰.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.